

АМЕЛИ КАРТЕР

НЕ ВЛЮБИЛСЯ В МЕНЯ СЮЖЕВА

Амели Картер

Не влюбляйся в меня снова

«Автор»

2026

Картер А.

Не влюбляйся в меня снова / А. Картер — «Автор», 2026

Студенты-архитекторы Майя Громова и Крис Белов создают гениальный проект реновации южной промзоны Петербурга. Но их идея встает поперек горла строительной империи: девелопер Марков ради возведения прибыльных бетонных муравейников готов залить фундаментом подземный резервуар с токсичными отходами, спровоцировав масштабную экологическую катастрофу. Против героев брошен весь административный ресурс. Их лишают станков, опечатывают цех и загоняют в юридический тупик за считанные часы до финальной комиссии. Чтобы спасти проект и друг друга, Майя и Крис идут на беспрецедентный риск. За одну ночь они переписывают законы градостроительства, заменяя привычную сталь на инновационные композитные полимеры. Это жесткий архитектурный триллер о противостоянии живого инженерного ума и мертвой бюрократической машины. Оставшись без поддержки, двое должны доказать системе: самая прочная конструкция состоит из двух элементов, принимающих колоссальную нагрузку поровну.

© Картер А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Введение	5
Глава 1. Идеальный порядок	7
Глава 2. Границы и сарказм	22
Глава 3. Эхо прошлого	39
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Амели Картер

Не влюбляйся в меня снова

Введение

Осень на факультете архитектуры всегда пахла одинаково: сырой штукатуркой, подсыхающим клеем «Момент», дешевым эспрессо из автомата на первом этаже и вьевшейся в стены графитовой пылью. Для Майи Громовой этот запах давно стал единственным понятным маркером реальности. Пока остальные студенты искали вдохновение в галереях или пытались поймать романтику в затяжных дождях, Майя доверяла только сухим цифрам, масштабам один к ста и плотности чертежной бумаги.

В полупустой аудитории на третьем этаже стояла тишина, нарушаемая лишь размеренным шорохом. Майя сидела за дальним подрамником, привычно затянув темные волосы в небрежный пучок на затылке. Из него давно выбилось несколько прядей, но она даже не пыталась их поправить. Вся ее фигура, спрятанная в безразмерный серый худи, выражала максимальную сосредоточенность. Линейка-рейшина из прозрачного пластика скользила по ватману с абсолютной точностью, оставляя за собой безупречно прямые линии туши.

Контроль — вот что было для нее главным. Контроль над пропорциями фасада, над временем, над собственным дыханием и, самое важное, над воспоминаниями, которые за последние три года превратились в плотно заколоченные старые коробки на самом дне сознания. Порядок на рабочем столе отражал порядок в ее голове: изографы выстроены по толщине стержня, ластик аккуратно уложен в угол, планшет закреплен под идеальным углом в тридцать градусов.

Разлившаяся по коридору трель звонка разделила день на «до» и «после». В аудиторию шумной волной стали вливаться однокурсники, стряхивая с зонтов капли воды и рассаживаясь по своим местам. Майя даже не подняла головы. Она отложила рапидограф, промокнула край свежего штриха салфеткой и только после этого позволила себе расправить затекшую спину.

Она знала, зачем они здесь собрались. Сегодня профессор Самойлов должен был объявить распределение на ежегодный конкурс градостроительных проектов. Главный приз — крупный грант от муниципального фонда и гарантия стажировки в ведущем бюро города. Для Майи это был единственный шанс окончательно закрыть вопрос со стипендией, оплатой жилья и, главное, доказать самой себе, что ее прагматизм и отказ от любых отвлекающих факторов были не напрасны.

Профессор зашел в аудиторию ровно в тринадцать ноль-ноль, как и всегда, несущий с собой шлейф табачного дыма и неизменную кожаную папку под мышкой. Поправив очки в толстой оправе, он окинул аудиторию быстрым, цепким взглядом, задержавшись на секунду на пустующем месте в третьем ряду.

— Итак, коллеги, — раздался его сухошавый, привычный голос. — Мы начинаем работу над проектом ревитализации парковой зоны. В этом году условия жестче, требования выше, а работа... работа будет исключительно парной.

В аудитории прокатился тихий гул. Майя слегка нахмурилась. Парная работа означала подстройку под чужой график, неизбежные споры о концепции и риск того, что напарник окажется банально ленив. Но она быстро успокоила себя: если что, она просто сделает все сама, добавив имя партнера на титульный лист. Главное — сохранить контроль.

Дверь аудитории тихо скрипнула, заставив профессора прервать речь на полуслове и обернуться к входу.

— А вот и ваш новый сокурсник, — произнес Самойлов, и в его голосе проскользнула редкая для него мягкость. — Перевод из государственного университета, переведен с сохранением курса. Прошу любить и жаловать.

Майя механически повернула голову к дверям, готовая мельком оценить очередного конкурента, но пальцы, сжимавшие пластиковую линейку, мгновенно занемели. Линейка выскользнула из рук и с треском упала на деревянный пол аудитории.

В проеме стоял парень в темной куртке, с взъерошенными от дождя волосами и знакомой до боли, едва заметной гордой посадкой головы. Технические детали мира, еще секунду назад казавшиеся четкими и понятными, размылись. Нарушив свое главное правило, Майя просто смотрела на него, ощущая, как вся выстроенная за три года защита рушится от одного-единственного взгляда карих глаз.

Глава 1. Идеальный порядок

Капли сентябрьского дождя размеренно стучали по высокому арочному окну третьей аудитории, оставляя на пыльном стекле узкие, извивающиеся следы. Внутри помещения стоял стойкий, почти осязаемый запах, присущий только архитектурному факультету: смесь подсыхающего клея ПВА, свежевыкрашенных деревянных планшето́в, дешевого растворимого кофе и въевшейся в старый паркет графитовой пыли. Этот запах для Майи Громовой давно стал единственным понятным маркером реальности, надежной броней, защищающей от любого внешнего хаоса.

Она сидела за дальним подрамником у самого окна, сжавшись в комок внутри огромного, на три размера больше, серого худи. Рукава закрывали ладони до самых кончиков пальцев, оставляя открытыми лишь тонкие, исмазанные тушью фаланги. Темные волосы были привычно стянуты на затылке в небрежный, слегка распадающийся пучок — не ради стиля, а исключительно из практических соображений, чтобы выбившиеся пряди не мешали черчению и не пачкали еще не высохшую тушь.

Перед Майей лежал огромный лист ватмана формата А0, прикрепленный к деревянной доске бумажным скотчем по всем четырем углам. Прозрачная пластиковая линейка-рейсшина плавно скользила по поверхности бумаги, подталкиваемая уверенным движением руки. Майя держала изограф толщиной в три десятых миллиметра абсолютно вертикально, под углом в девяносто градусов, вырисовывая аккуратную штриховку разреза трехэтажного здания. Каждая линия ложилась параллельно предыдущей с точностью до доли миллиметра. Без дрожи. Без отклонений.

Контроль. Вся ее жизнь за последние три года сводилась к этому единственному слову. Контроль над миллиметрами на чертеже, контроль над собственным расписанием, расписанным по минутам в кожаном блокноте, и, главное, контроль над собственными эмоциями. Майя научилась глушить любые вспышки уязвимости сухой логикой и конструкторскими расчетами. Если задачу можно разбить на алгоритмы и шаги, значит, в ней нет места ошибке. А ошибка трехлетней давности стоила ей слишком дорого, чтобы допускать подобное снова.

Рядом с планшетом в безупречном порядке выстроились инструменты: набор рапидографов от самого тонкого до толстого, вычищенный ластик-клячка, металлическая циркулярная козья ножка и некрупный канцелярский нож с выдвижным лезвием. Ничего лишнего. Ни одной лишней детали или случайной вещи.

Аудитория постепенно наполнялась людьми, но Майя едва ли обращала внимание на нарастающий шум. Студенты третьей группы проникали внутрь неровными стайками, стряхивая с курток и зонтов мелкую дождевую пыль, с грохотом двигали тяжелые деревянные табуреты, спорили о вчерашнем просмотре и смеялись.

— Громова, ты вообще когда-нибудь спать уходишь или прямо здесь, под подрамником, в спальнике ночуешь? — раздался над ухом звонкий голос Кати, ее сокурсницы, которая со вздохом уронила свой пухлый тубус на соседний стол.

Майя даже не подняла головы. Стержень изографа закончил очередную линию, аккуратно оторвался от ватмана и перешел к следующей.

— Я спала четыре часа. Этого вполне достаточно для поддержания базовых жизнедеятельных функций, — отчеканила Майя ровным, почти безэмоциональным тоном. — Если бы ты не тратила вчерашний вечер на попытки выбить скидку в баре, твой планшет к сегодняшнему просмотру тоже был бы готов, а не лежал в виде чистого листа.

— Ты просто машина, Громова, — без обиды хохотнула Катя, сбрасывая мокрую джинсовку на спинку стула и принимаясь судорожно искать в сумке карандаши. — Честное слово, в тебе из живого остались только эти твои вечные синяки под глазами. Но сегодня даже тебе при-

дется нервничать. Ты в курсе, что Самойлов собирается объявить правила по гранту «Городская среда»?

Майя на секунду замерла, но тут же продолжила вести линию. Рука не дрогнула.

— В курсе. Поэтому я и доделываю академический разрез сейчас, чтобы высвободить себе весь вечер под концептуальные наброски.

— Там будет не просто конкурс, — понизив голос до заговорщического шепота, продолжила Катя, наклоняясь ближе. — Говорят, победитель получает не только финансирование от муниципального фонда, но и трехмесячную стажировку в бюро у Архипова. В настоящем бюро! Это же прямой пропуск в профессию, минуя весь этот ад с рассылкой резюме по мелким шарашкам.

Майя ничего не ответила, но внутри нее привычно сжалась пружина амбиций. Ей был жизненно необходим этот грант. Не ради похвалы преподавателей или галочки в портфолио. Победа означала именную стипендию, которая перекрывала оплату съемной комнаты на полгода вперед и давала полную независимость. Ей не придется просить помощи, не придется ни от кого зависеть. Все сама. Как и всегда.

Она отложила инструмент, промокнула угол свежей линии угольным краешком салфетки и наконец позволила себе размять затекшую шею. Суставы отозвались тихим хрустом. Майя окинула взглядом весь чертеж: узкие узлы сопряжения конструкций, идеально вычерченные несущие стены, маркировка осей. Все выверено, чисто и холодно. Никакой хаотичности.

Гул в аудитории резко затих, когда тяжелая дубовая дверь отворилась и в проеме появился профессор Самойлов. Это был сухой, высокий мужчина лет пятидесяти пяти с идеальной прямой осанкой бывшего военного инженера, седой бородкой и взглядом, способным насквозь прожечь любую фальшивую пояснительную записку. Под мышкой он держал потертую потертую кожаную папку, из которой выглядывали углы распечатанных бланков.

— Рассаживайтесь, коллеги, — произнес Самойлов, не повышая голоса, но его низкий баритон мгновенно перекрыл остатки шума. Студенты спешно закрутились на своих местах, зашуршали бумагой и замерли. — Время не ждет. Сегодня у нас важный день, и я не намерен тратить его на долгие вступления.

Он подошел к кафедре, положил папку и оперся сухими ладонями о полированный край стола, внимательно цепляя взглядом каждого присутствующего.

— Вы уже трехкурсники. Это значит, что детский сад с картинками домиков из детских кубиков закончился. Конкурс градостроительных проектов «Городская среда», к которому мы приступаем, — это ваш первый шаг в реальную проектировочную практику. Задача — разработать комплексную концепцию ревитализации заброшенного паркового массива на левом берегу. Проект сложный: сложный рельеф, высокий уровень грунтовых вод, необходимость сохранения исторического ландшафта и жесткие рамки по безопасности.

Майя подалась вперед, выпрямив спину. Мозг уже начал автоматически перебирать возможные варианты: каскадные террасы для компенсации уклона, дренажные системы открытого типа, использование георешеток, легкие деревянные настилы вместо тяжелого бетона. В голове выстраивалась четкая трехмерная сетка.

— Но есть одно существенное «но», — продолжал Самойлов, слегка сузив глаза за прямоугольными стеклами очков. — Проектирование современной городской среды — это всегда командная работа. Никто в одиночку не сдает объекты такого масштаба. Поэтому условия текущего сезона изменились. Работа над проектом будет проходить строго в парах.

По аудитории моментально прошел разочарованный шепот. Майя поморщилась, ощутив, как внутри поднимается волна раздражения. Парная работа была для нее худшим сценарием из всех возможных. Это означало необходимость идти на компромиссы, объяснять очевидные вещи человеку с другим уровнем подготовки, подстраиваться под чужую непунктуальность и тратить драгоценное время на бессмысленные споры об эстетике.

— Профессор, — Майя подняла руку, не дожидаясь разрешения. Ее голос прозвучал собранно и твердо, прорезав тишину. — Возможен ли вариант индивидуальной защиты? Если объем работы будет увеличен вдвое, со всеми детальными узлами и инженерными проработками?

Самойлов посмотрел на нее поверх очков с легкой, едва уловимой усмешкой, в которой не было зла, но присутствовала непреклонная педагогическая жесткость.

— Нет, Громова. Индивидуальной защиты не будет. Архитектор, который не умеет работать в команде, — это просто художник с дипломом. Вы гениально чертите технические узлы, Майя, но ваша главная проблема — абсолютная негибкость. Этот семестр научит вас договариваться. И это не обсуждается.

Майя поджала губы, но спорить далее не стала, опустив руку. В голове уже родился план: она просто заберет себе всю инженерную и графическую часть, отдаст напарнику подготовку текстов, пояснительной записки и сбор исходных данных, чтобы минимизировать личные контакты. Главное — держать все ключевые этапы под своим прямым контролем.

— Составы пар я формировал лично, — произнес Самойлов, открывая папку и доставая первый лист списка. — На основе ваших успехов в прошлом семестре, чтобы уравновесить сильные и слабые стороны каждого. Возражения не принимаются, обмены только по крайне уважительным причинам и только с моего личного согласия.

Он начал зачитывать фамилии. Катя попала в пару с парнем с параллели, который неплохо разбирался в 3D-моделировании, и тихо вздохнула с облегчением. Майя ждала своей очереди с холодным спокойствием. В группе было пару толковых ребят, с которыми можно было выстроить чисто деловые, прагматичные отношения без лишних разговоров.

— Громова... — Самойлов сделал паузу, отыскивая взглядом ее рабочее место, а затем посмотрел на пустующий подрамник в третьем ряду. — Так, а где у нас переводник? Ему объяснили, куда подходить?

В этот момент за дверью аудитории раздались тяжелые, неторопливые шаги. Дверная ручка из потемневшей латуни медленно опустилась вниз, и дубовое полотно со скрипом отворилось.

— Извините за опоздание, профессор, — прозвучал от дверей низкий, слегка хрипловатый голос, от звука которого воздух вокруг Майи мгновенно потерял всякую плотность. — В деканате затянули с подписью обходного листа.

Майя сидела спиной к входу, но её тело отреагировало раньше, чем мозг успел обработать услышанное. Пальцы, державшие пластиковую линейку-рейсшину, резко потеряли чувствительность, сжавшись до побеления суставов. Прозрачный пластик выскользнул из рук и с оглушительным в наступившей тишине треском упал на деревянный паркет, отскочив к ногам соседнего стола.

Майя не нагнулась за линейкой. Она медленно, словно преодолевая сопротивление густого, застывшего времени, повернула голову к дверям.

В проеме стоял парень. Высокий, с широкими плечами, спрятанными под полураспахнутой темной курткой, из-под которой виднелась простая серая футболка. Его темные волосы были взъерошены осенним дождем, а на линялых джинсах и тяжелых ботинках виднелись следы уличной сырости. На правой руке, едва выглядывая из-под закатанного рукава, белел тонкий, едва заметный шрам, уходящий к запястью.

Крис. Кристиан Белов.

Он стоял на пороге с тем же знакомым, чуть ленивым спокойствием, с той же едва заметной, гордой посадкой головы, которую она помнила до мельчайшей детали, до каждого изгиба. Но его взгляд — глубокий, темно-карий, почти черный — был другим. В нем больше не было прежней мальчишеской открытости. Это был взгляд человека, который научился молчать и выживать в одиночку.

Крис медленно окинул взглядом аудиторию, и когда его глаза встретились со взглядом Майи, время окончательно остановилось. Никто в комнате больше не существовал. Ни Самойлов, замерший с бумагами в руках, ни затихшие студенты, ни стук дождя по стеклу.

В карих глазах Криса на секунду — на какую-то микроскопическую долю мгновения — промелькнуло нечто острое, похожее на вспышку дикой, неконтролируемой боли, но он тут же взял себя в руки. Едва заметно сжались желваки на его скулах, взгляд стал абсолютно холодным и отстраненным, превратившись в глухую непроницаемую стену.

— А вот и наш новый сокурсник, — нарушил тишину голос Самойлова, который, казалось, совершенно не заметил невидимой электрической искры, прошившей аудиторию. — Кристиан Белов. Перевод из государственного университета с сохранением курса. Прошу любить и жаловать, коллеги. Белов — парень опытный, у него хорошая база по конструктиву.

Самойлов снова опустил взгляд в свои бумаги и с легким удовлетворением поставил галочку карандашом.

— Что ж, раз все в сборе. Громова, вопрос с твоим напарником решен. Белов, твое место рядом с Громовой, за дальним подрамником у окна. Вы работаете над парковым комплексом вместе.

Слово «вместе» прозвучало в воздухе как приговор.

Майя ощутила, как кровь прилила к вискам, заставив сердце биться с оглушительной, почти болезненной частотой. Вся ее выверенная, выстроенная по линейке жизнь, весь ее идеальный порядок, создаваемый годами с таким трудом, рухнул за какую-то секунду, рассклался на мелкие, острые осколки.

Крис молча кивнул профессору, скинул с плеча тяжелый кожаный рюкзак и неторопливо пошел по узкому проходу между рядами столов прямо к ней. Каждый его шаг отзывался глухим ударом в ее груди. Он не смотрел на нее, глядя строго перед собой, но Майя отчетливо чувствовала, как рушится её защитный барьер, как сквозь брешь в тонкой броне прагматизма прорывается дикий, удушающий страх.

Он остановился прямо у её стола, нагнулся и плавно подхватил с пола ее упавшую линейку. На его затылке от движения слегка взъерошились влажные от дождя волосы. Крис выпрямился и положил пластиковую линейку обратно на её ватман, прямо поверх безупречно вычерченных линий.

Его пальцы на секунду задержались у самого края ее руки. Майя не шевельнулась, даже когда ощутила исходящее от него знакомое тепло и едва уловимый запах сырой кожи, горького кофе и свежего осеннего ветра — запах, который она ненавидела и помнила каждую ночь своего трехлетнего ада.

— Держи, — тихо, одним губы произнес Крис. Голос был низким, глубоким и совершенно чужим.

Майя медленно подняла на него глаза, сжимая в кулаке рукав своего серого худи так, что ногти вопьлись в ладонь. Она не произнесла ни слова. В ее взгляде не было ни слез, ни прежней доверчивости — только сухая, отточенная, как лезвие рапидографа, ненависть и глухая обида, запечатанная за железобетонной стеной.

— Спасибо, — выдавила она из себя сухо, отворачиваясь к чертежу и делая вид, что проверяет толщину линии. — Но лучше бы ты оставил ее на полу.

Крис ничего не ответил. Он лишь молча подвинул соседний табурет, положил свой рюкзак на пол и сел рядом, доставая из кармана простой деревянный карандаш. Расстояние между ними сократилось до полуметра, и это пространство казалось заряженным высоковольтным током.

Самойлов между тем продолжал что-то говорить у доски, рассуждая о требованиях к генеральному плану, о масштабах и сроках первой сдачи, но Майя не слышала ни единого

слова. Каждая клетка ее тела была напряжена до предела, фиксируя любое движение парня, сидевшего справа от нее.

Она смотрела на чистый край своего ватмана и понимала, что лекция закончится через сорок минут. И как только профессор выйдет из аудитории, ей придется сделать то, что она пообещала себе никогда больше не делать — заговорить с человеком, который три года назад просто испарился из ее жизни, оставив за собой лишь сплошное пепелище.

Майя сжала изограф в руке с такой силой, что пластиковый корпус слегка треснул, и медленно опустила стержень на бумагу, понимая, что этот проект станет для нее либо окончательным спасением, либо полной катастрофой, и этот шаг отступить ей уже никто не позволит.

Голос профессора Самойлова чеканил слова, монотонно отскакивавшие от высоких потолков аудитории, но для Майи он превратился в фоновый шум. Она смотрела на безупречно ровную линию на своем ватмане и ощущала, как воздух в комнате стремительно густеет. Присутствие Криса ощущалось на физическом уровне: тепло его тела, негромкое шуршание плотной ткани куртки, когда он двигал локтем, едва уловимый запах осеннего дождя и табака.

Три года. Тысяча дней, в течение которых она по крупинкам собирала себя заново, выстраивая вокруг своего сердца бетонные стены прагматизма и сухого расчета. Она научилась не вспоминать. Научилась заставлять себя думать о графиках, нагрузках, сопромате и масштабах, когда ночная тишина становилась слишком громкой. И вот теперь весь этот выверенный, идеальный порядок рушился из-за того, что человек из прошлого просто сел на соседний табурет.

Майя поджала губы и изо всех сил впиалась пальцами в корпус рапидографа. Главное — не подавать вида. Ни один мускул на лице не должен выдать ту бурю, которая сейчас разрывала ее изнутри. Она — профессионал. Крис Белов для нее — всего лишь случайный напарник по учебному проекту, навязанный кафедрой. Не более чем временное неудобство, с которым придется иметь дело ближайшие три месяца ради получения гранта.

— ...Таким образом, к следующей среде каждая пара обязана представить первичный ситуационный план и концептуальное эскизное предложение, — долетали до сознания Майи фразы Самойлова. — Жду от вас не просто красивых рендеров, а глубинного понимания функционального зонирования. Вы должны прочувствовать этот ландшафт, поняли?

По аудитории прокатился тихий, недовольный гул. Сроки были сжатыми, а объем работы — колоссальным. Майя боком заметила, как Крис достал из рюкзака простой блокнот в потертом кожаном переплете и быстро, без лишних движений записал основные тезисы лекции. Его движения остались прежними: точными, экономными, с той самой скрытой грацией, которую она когда-то так любила наблюдать. На правой руке, прямо над костяшками, выделялся тот самый шрам. Майя помнила день, когда он его получил, но тут же силой воли заставила себя стереть эту мысль из головы. Никаких воспоминаний. Это табу.

Крис не пытался заговорить. Он сидел безупречно прямо, глядя исключительно на доску, словно между ними не было этих трех лет тишины, словно они вообще не были знакомы. Его отстраненность казалась почти осязаемой, и это задевало Майю сильнее, чем если бы он начал оправдываться или просить прощения. Он вел себя так, будто ничего не произошло. Будто она была лишь безымянной сокурсницей, случайно оказавшейся за одним подрамником.

— На сегодня всё, коллеги, — произнес Самойлов, собирая свои бумаги в папку. — Можете быть свободны. И помните: грант получит только та пара, которая сумеет работать как единый организм.

Едва профессор направился к выходу, аудитория ожила. Загremели стулья, зашуршали тубусы, послышались громкие переговоры и смех. Катя быстро обернулась к Майе, бросив на нее сочувственный и одновременно растерянный взгляд, но, встретив строгий, предупреждающий взор Громовой, решила не подходить и быстро выскользнула за дверь вместе с остальными студентами.

Майя медленно, с подчеркнутой педантичностью начала собирать свои инструменты. Вытерла салфеткой стержень изографа, убрала его в футляр, защелкнула пенал, сложила линейки. Каждое действие было доведено до автоматизма, но внутри все дрожало от напряжения. Крис тоже не спешил. Он молча ждал, когда поток однокурсников у дверей поредеет.

Двухминутное молчание между ними казалось оглушительным. В аудитории практически никого не осталось, кроме пары запоздавших студентов у противоположной стены. В окнах продолжал шуметь дождь, подгоняемый осенним ветром.

— Нам нужно обсудить график, — сухо, не глядя на него, произнесла Майя. Ее голос прозвучал ровно и прохладно, именно так, как она репетировала про себя последние пару минут.

Крис повернул к ней голову. Вблизи его глаза казались еще темнее, вокруг них залегли легкие тени от усталости, а губы были сжаты в тонкую линию.

— Да, — отрывисто ответил он. Голос у него был глуховатый, низкий, совсем не такой, как в школьные годы. — Давай обсудим.

— Я беру на себя весь конструктив, генеральный план и инженерные сети, — Майя говорила четко, словно зачитывала список требований к подрядчику. — Ты забираешь аналитику, сбор исходных данных по ландшафту и пояснительную записку. Встречаться нам необязательно, можем обмениваться файлами через облачный диск. Чертежи я делаю сама, чтобы не было расхождений в графике. Меня устраивает только идеальный результат.

Крис молча слушал её, слегка накренив голову. На его лице не отразилось ни единой эмоции, лишь в глубине карих глаз проскользнула едва заметная тень.

— Ты не изменилась, Громова, — тихо сказал он, и в его тоне не было иронии, только какая-то глухая, затаенная усталость. — Все так же пытаешься контролировать то, что контролировать невозможно.

Майя замерла. Её пальцы впились в край деревянного подрамника с такой силой, что ногти побелели.

— Я контролирую свою часть работы, Белов, — отчеканила она, впервые прямо посмотрев ему в глаза. — И рассчитываю, что ты не сорвешь мне этот проект. Если у тебя есть проблемы с дисциплиной или академической успеваемостью, лучше сразу скажи Самойлову, чтобы меня перераспределили.

Крис не отвел взгляда. Он выдержал ее жесткий, полный затаенной боли и ненависти взор с абсолютным спокойствием, хотя мышца на его челюсти заметно дернулась.

— Я не сорву проект, — спокойно произнес он, поднимаясь со стула и закидывая тяжелый рюкзак на одно плечо. — И бегать к Самойлову не придется. Твое распределение зон меня устраивает. Но делать всё в одиночку у тебя не получится. Парк слишком большой, а Самойлов сразу поймет, если чертежи делал один человек. Придется встречаться.

Он сделала шаг от стола, направляясь к выходу, но у самых дверей остановился и слегка повернул голову, не оборачиваясь полностью.

— Завтра в четыре в библиотеке. Принеси топосъемку участка, если она у тебя есть.

Майя ничего не ответила, провожая его спину тяжелым взглядом. Когда дверь за ним закрылась, она наконец позволила себе глубоко выдохнуть и опустилась обратно на табурет. Руки заметно дрожали. Ее идеальный, строгий мир, выстраиваемый годами, дал трещину, и она физически ощущала, как сквозь нее просачивается холод прошлого.

Она просидела в пустой аудитории еще минут пятнадцать, силясь заставить себя успокоиться и вернуть прежний рабочий настрой. Нужно было собрать вещи, дойти до деканата за дополнительными материалами по участку и отправиться домой. Но мысль о том, что завтра ей снова придется сидеть напротив него и делать вид, будто между ними ничего не было, отравляла всё существование.

Поднявшись, Майя подхватила свой тубус, застегнула куртку и вышла в гулкий коридор факультета. Шаги отзывались эхом от высоких сводов. Она прошла мимо главного холла, где на стендах висели лучшие работы выпускников, и уже намеревалась спуститься по тяжелой мраморной лестнице к выходу, как заметила у окна в конце пролета знакомую фигуру.

Крис стоял у длинного подоконника, прислонившись плечом к раме, и разглядывал что-то в своем телефоне. В другой руке он держал стаканчик с горячим кофе, от которого поднимался тонкий пар. Он явно кого-то ждал или просто выдерживал паузу перед тем, как выйти на улицу.

Майя замедлила шаг. Маршрут к выходу пролегал прямо мимо него, и обойти его не было никакой возможности. Она сжала ляжку тубуса, выпрямила спину и двинулась вперед, твердо намереваясь пройти мимо, словно он был лишь частью интерьера. Но когда до него оставалось всего пару метров, Крис отнял телефон от уха, поднял глаза и перегородил ей путь, опершись рукой о перила лестницы.

— Громова, подожди, — произнес он тем же низким, не терпящим возражений тоном, и Майя вынуждена была резко остановиться, чтобы не врезаться в его плечо.

Майя замерла на месте, ощущая, как внутри всё сжимается в тугую, болезненный узел. Расстояние между ними сократилось до шага, и она вновь оказалась вынуждена дышать тем же самым воздухом, напитанным сыростью дождливого дня и тонким ароматом его одеколona. Этот запах пробуждал в памяти картины, которые она годами пыталась погрести под толщей учебников, чертежей и жесткого самоконтроля.

— Нам не о чем разговаривать вне рамок проекта, Белов, — отчеканила она, стараясь, чтобы голос звучал предельно ровно и безразлично. — Отойди с дороги.

Крис не сдвинулся ни на миллиметр. Напротив, он слегка наклонил голову, внимательно всматриваясь в ее лицо, словно пытался прочесть в нем нечто большее, чем ту ледяную маску, которую она с таким трудом удерживала. Его карие глаза оставались темными и непроницаемыми, но мышца на челюсти вновь слегка дернулась.

— Я не собираюсь устраивать сцен в коридоре, — произнес он тихо, так, чтобы его слова не долетели до редких прохожих студентов. — Но нам придется работать вместе три месяца. И если мы будем делать вид, будто вовсе не знакомы или будто между нами стоит глухая стена, мы провалим задание в первую же неделю. Самойлов чувствует фальшь за километр.

— Между нами нет ничего, кроме рабочего проекта, — отрезала Майя, сжимая ремень тубуса так сильно, что пальцы окончательно занемели. — И никакой фальши не будет, если ты просто будешь вовремя сдавать свою часть работы. Я не планирую обсуждать с тобой прошлое, Крис. Его нет. Ты сам позаботился о том, чтобы оно исчезло три года назад.

Слова вылетели изо рта быстрее, чем она успела их проконтролировать. В них проскользнула та самая острая, застарелая обида, которую она так тщательно пыталась скрыть за профессиональной отстраненностью. Майя мысленно прокляла себя за эту секундную слабость. Показать ему хоть каплю живых эмоций означало признать, что его поступки до сих пор имеют над ней власть.

Крис замолчал. На его лице не отразилось ни удивления, ни вины — лишь глубокая, затаенная гордость и еще более глубокая усталость. Он медленно опустил руку с перил, освобождая ей проход, но взгляда не отвел.

— Как знаешь, Громова, — ответил он ровным голосом, в котором проскользнула холодная сталь. — Завтра в четыре. Не опоздай.

Майя не стала ничего отвечать. Направившись вниз по тяжелой мраморной лестнице, она ускорила шаг, почти физически ощущая, как его взгляд провожает ее до самого выхода. Едва она переступила порог университета и оказалась под проливным осенним дождем, ледяные капли обрушились на лицо и плечи. Она глубоко вдохнула сырой, прохладный воздух, пытаясь сбить огонь, пылающий в груди.

Каждый шаг по мокрому асфальту отзывался в голове тяжелым гулом. Все ее тщательно выверенные правила, вся структура ее жизни, строившаяся на простом принципе «никому не доверять и никого не подпускать», дала трещину. Но Майя была не из тех, кто сдается без боя. Ей просто нужно было вернуть контроль. А единственный способ вернуть контроль над ситуацией — пойти к тому, кто эту ситуацию создал.

Вместо того чтобы отправиться на остановку, она повернула к главному корпусу факультета, где на втором этаже располагался кабинет профессора Самойлова. Шаги звонко отскакивали от кафельного пола опустевших коридоров. Внутри нее зрело твердое, непреклонное намерение: добиться смены напарника любой ценой. Ей не нужен был этот эмоциональный аттракцион. Ей нужен был грант, спокойствие и предсказуемое будущее.

Подойдя к массивной деревянной двери с табличкой «Кафедра градостроительства», Майя коротко постучала и, не дожидаясь приглашения, толкнула от себя тяжелую створку.

Профессор Самойлов сидел за своим рабочим столом, заваленным рулонами кальки, распечатками генеральных планов и методическими пособиями. В аудитории пахло крепким чаем и старой бумагой. Заметив Громова, он оторвал взгляд от проверяемого чертежа и слегка приподнял густые седые брови.

— Громова? — произнес он, опустив очки на кончик носа. — Что-то забыла? Или возникли вопросы по техническому заданию?

Майя шагнула в кабинет, прикрыв за собой дверь, и осталась стоять у входа, выпрямив спину.

— Профессор Самойлов, я пришла попросить вас пересмотреть состав нашей пары, — произнесла она прямо, без лишних вступлений и политеса. — Я прошу назначить мне другого напарника. Или разрешить выполнять проект в одиночку.

Самойлов медленно откинулся на спину кресла, снял очки и начал протирать их края носовым платком. На его строгом лице не было удивления — лишь спокойное, слегка усталое понимание.

— Вот как, — тихо проговорил он. — И в чем же причина столь категоричного демарша, Майя? Белов еще даже не успел приступить к работе, а ты уже ставишь вопрос о несовместимости.

— Мы не сможем работать эффективно, — отчеканила она, фиксируя взгляд на полке с архивом над головой преподавателя. — У нас совершенно разный подход к проектированию и разный уровень подготовки. Мне проще сделать весь объем самостоятельно, чем тратить время на согласование решений с человеком, в профессионализме которого я не уверена.

Самойлов издал короткий, сухой смешок и положил очки обратно на стол.

— Не уверена в его профессионализме? — переспросил он с легкой иронией. — Громова, Белов перевелся к нам из академического института с идеальной академической успеваемостью по всем конструкторским дисциплинам. Его портфолио за прошлые два года превосходит работы половины нашего курса. Так что с его уровнем всё в порядке. Давай честно: дело ведь вовсе не в чертежах?

Майя на секунду замялась, ощущая, как щеки обжигает легкий приток крови, но тут же взяла себя в руки.

— Это личные обстоятельства, — сухо добавила она. — И они будут мешать рабочему процессу.

Профессор поднялся из-за стола, подошел к окну, за которым продолжал бушевать осенний ливень, и скрестил руки на груди.

— Личные обстоятельства, — повторил он тихим, но весомым голосом. — Майя, архитектура — это не стерильная лаборатория, где ты проектируешь вакуум для идеальных людей. В реальной жизни тебе придется работать с заказчиками, которые тебе неприятны, с подрядчиками, которые сомневаются в твоих решениях, и с коллегами, с которыми у тебя могут

быть самые сложные отношения. И умение переступать через личные амбиции и обиды ради финального результата — это и есть главный навык профессионала.

— Я понимаю это, профессор, но...

— Никаких «но», Громова, — перебил ее Самойлов, повернувшись к ней лицом. Его взгляд стал строгим и бескомпромиссным. — Я формировал пары не случайно. Тебе нужна его смелость и умение мыслить объемом, а ему — твоя въедливость и филигранная точность в деталях. Вы либо научитесь договариваться и сделаете проект, способный выиграть этот грант, либо оба останетесь без допуска к конкурсу. Я своего решения не меняю.

Майя поджала губы. Она понимала, что дальнейшие уговоры бессмысленны: Самойлов славился своей железной принципиальностью, и любое давление только укрепляло его в собственном мнении.

— Я вас поняла, — произнесла она ровным тоном, хотя внутри всё кипело от бессильного гнева. — Извините за беспокойство.

— Работайте, Громова, — напутствовал ее профессор, уже возвращаясь к своим бумагам. — И помните: идеальный порядок строится не на отсутствии проблем, а на умении их решать.

Выйдя из кабинета, Майя на мгновение прислонилась спиной к прохладной стене коридора. Надежда на простое решение рухнула. Выхода не было: ей придется делиться этим проектом с Крисом, сидеть с ним за одним столом, спорить из-за каждой линии и делать вид, что прошлые раны больше не кровоточат.

Она спустилась на первый этаж, прошла через массивные двери вестибюля и шагнула на широкое крыльцо университета. Дождь почти стих, превратившись в мелкую, висящую в воздухе морось. Внизу, у самого подножия гранитных ступеней, горели тусклые желтые фонари, отражаясь в темных лужах на асфальте.

Майя застегнула куртку до самого подбородка, поправила ремень тубуса и уже намеревалась спуститься вниз, когда из тени арки выделилась знакомая фигура.

Крис стоял у основания лестницы, сунув руки в карманы своей темной куртки. Он не ушел. Он ждал ее всё это время, мокнув под мелким осенним дождем.

Увидев ее, Крис медленно сделал шаг навстречу, преграждая путь к выходу со сквера. Его лицо оставалось непроницаемым, но в глазах застыло нечто такое, от чего у Майи перехватило дыхание.

— Ну что, Громова? — тихо спросил он, и в его голосе прозвучала едва уловимая горькая ирония. — Самойлов дал тебе отвод?

Майя замерла на верхней ступени, глядя на него сверху вниз, и ощутила, как выстроенная за день защита вновь начинает давать опасные, глубокие трещины.

Вопрос прозвучал над опустевшей площадкой у входа в университет неожиданно громко, хотя Крис произнес его почти шепотом. Мелкая сырость осеннего вечера оседала на темных волосах парня блестящими капельками, но он, казалось, совершенно этого не замечал. Он смотрел на Майю снизу вверх, оставаясь у подножия гранитных ступеней, и его фигура казалась монолитным силуэтом на фоне тусклых желтых фонарей.

Майя замерла на верхней ступени. Внутри нее на секунду поднялась волна дикого, горячего возмущения. Значит, он всё понял. Он догадался, куда именно она направилась сразу после их короткой перепалки в коридоре, и просто стоял здесь, под морозящим дождем, дожидаясь, пока она вернется с поражением.

— Тебя это не касается, Белов, — отрезала Майя, делая шаг вниз. Голос прозвучал отточенно-холодно, но пальцы, судорожно вцепившиеся в ремень тубуса, выдавали ее внутреннее напряжение. — Мои передвижения и разговоры с преподавателями не входят в сферу твоих обязанностей по проекту.

— Ты ходила просить другого напарника, — не спросил, а констатировал Крис. Он даже не сдвинулся с места, заставляя ее либо остановиться на полпути, либо пройти в опасной бли-

зости от него. — И Самойлов тебе отказал. Потому что он не меняет решения, когда дело касается утвержденных списков. Ты могла бы сберечь себе время, если бы спросила меня. Я знал, что он ответит.

— Откуда? — Майя остановилась на три ступени выше него, оказавшись с ним почти одного роста. Взгляд её карих глаз встретился с его взглядом, и на мгновение в этом сухом, напряженном контакте вспыхнуло всё то, что они так упорно пытались загнать под глубокий слой равнодушия. — Ах да, я и забыла. Ты ведь у нас всегда лучше всех знал, как правильно поступать. Всегда принимал решения за двоих, даже когда тебя об этом никто не просил.

Крис слегка нахмурился. Желваки на его скулах отчетливо сжались, а в темных глазах на долю секунды мелькнула вспышка острой, почти физической боли, но он моментально вернул себе прежнее отстраненное выражение лица.

— Не нужно притягивать сюда то, к чему этот разговор не имеет отношения, Громова, — спокойно проговорил он, хотя голос его стал заметно ниже. — Мы здесь ради архитектурного конкурса. Ты хочешь выиграть этот грант, я тоже не намерен вылетать с третьего курса в первом же семестре после перевода. Так что у нас одна цель. Нравится тебе это или нет.

— У нас нет ничего общего, — чеканя каждое слово, произнесла Майя. — И цель у нас разная. Мне нужен результат, а тебе... я даже знать не хочу, зачем ты вернулся.

Она попыталась обшагнуть его по краю мокрой гранитной плиты, но Крис сделала полшага в сторону, перекрывая ей дорогу. Не грубо, без физического контакта, но достаточно уверенно, чтобы вынудить ее снова замереть.

— Я вернулся, потому что это мой университет и мой факультет, — тихо ответил он, смотря на неё с той самой непонятной, давящей тяжестью, которую она помнила по прошлым годам. — И я не собираюсь ходить вокруг тебя на цыпочках только потому, что тебе неприятно мое присутствие. Нам дали задачу. Мы сделаем ее идеально. А потом разбежимся в разные стороны, и тебе больше никогда не придется меня видеть.

— Идеально? — Майя нервно хохотнула, и этот звук прозвучал суховато на фоне шума проезжавших по проспекту машин. — Ты три года где-то пропадал, Крис. Я не знаю, чем ты занимался, как учился и способен ли вообще выдержать темп Самойлова. Я не могу доверять тебе даже расчет инсоляции, потому что не знаю, не бросишь ли ты всё на полпути, как сделал это однажды.

Слова вылетели наружу подобно хлыстовому удару. Майя тут же пожалела о них: в этом упреке было слишком много личной, незаживающей обиды. Она открыла перед ним свою уязвимость, показала, что прошлый удар до сих пор отзывается в ней пульсирующей болью.

Крис не ответил сразу. Он медленно вытащил руки из карманов куртки. Правая рука с белеющим шрамом на запястье на мгновение сжалась в кулак. Он сделал шаг вверх по ступеньке, сокращая дистанцию между ними до предельного минимума. Теперь Майе приходилось закидывать голову, чтобы смотреть ему в лицо. От него пахло холодным дождем и крепким табаком — чужим, нездешним запахом, в котором не осталось ничего от того семнадцатилетнего мальчика, которого она когда-то знала.

— Я не брошу проект, Майя, — сказал он, и в его тоне впервые прозвучала такая плотная, нечеловеческая уверенность, что спорить с ней казалось бессмысленным. — Можешь проверять за мной каждый чертеж, каждый миллиметр, каждую цифру в пояснительной записке. Можешь перечерчивать за мной линии, если тебе так будет спокойнее. Но я доведу этот проект до конца. Вместе с тобой.

Майя сжала губы в узкую полоску. Внутри нее всё бунтовало против этой его спокойной, давящей силы. Он снова пытался задавать правила игры, снова ставил ее перед фактом, не оставляя пространства для маневра.

— Завтра в четыре в библиотеке, — повторила она его же собственную фразу, вкладывая в нее столько льда, сколько могла собрать. — И не дай бог ты опоздаешь хоть на одну минуту. Я заберу документы и уйду.

— Я буду вовремя, — ровно ответил Крис.

Он наконец отступил в сторону, освобождая ей проход к скверу. Майя не стала медлить ни секунды. Она стремительно спустилась по оставшимся ступеням, не глядя под ноги, и шагнула на мокрую аллею, усыпанную опавшими липовыми листьями. Ее ботинки глухо похлопывали по лужам, а в ушах всё еще стоял ритм ее собственный пульса.

Она прошла метров пятьдесят, прежде чем заставила себя обернуться.

Крис все так же стоял у подножия лестницы под одиноким фонарем. Он не уходил. Он смотрел ей вслед, засунув руки глубоко в карманы, высокий, одинокий и чужой. В свете фонаря было видно, как мелкая морось превращается вокруг его головы в туманное облако.

Майя резко повернулась и прибавила шаг, почти переходя на бег, лишь бы скорее окатиться на автобусной остановке, сбежать от этого взгляда, от этого профиля и от душного чувства, что ее идеальный, защищенный мир разваливается на части с каждым сделанным шагом.

Автобус подошел быстро. Внутри было тепло, пахло сырыми пальто и запотевшими стеклами. Майя прошла в самый хвост салона, села у окна и прижала лоб к ледяному стеклу. За окном проплывали размытые огни вечернего города, мокрые улицы, отражающие рекламные вывески, и редкие прохожие под зонтами.

Она закрыла глаза, но перед внутренним взором тут же встал разрез того самого ватмана, упавшая рейсшина и темные, непроницаемые глаза Криса Белова.

«Три года, — думала она, ритмично подрагивая вместе с ходом автобуса. — Три года тишины. Почему именно сейчас? Почему именно этот факультет? Почему именно моя группа?»

Вопросы сыпались один за другим, но ни на один из них у нее не было рационального ответа. Майя привыкла к тому, что у каждого архитектурного объекта есть логика, фундаментальный расчет и схема нагрузок. Но в происходящем не было никакой логики. Была лишь чистая, хаотичная неизбежность, которая угрожала разрушить все ее планы на этот год.

Когда автобус затормозил на ее остановке у спального района, дождь уже окончательно прекратился, уступив место сырому, пронизывающему ветру. Майя зашагала по темному двору к своей пятиэтажке, где на третьем этаже ее ждала небольшая съемная однокомнатная квартира — ее собственная, изолированная от всего мира крепость.

Поднявшись по обшарпанной лестнице, она повернула ключ в замке, шагнула в темную прихожую и заперла дверь на два оборота. Только после этого она позволила себе скинуть мокрые ботинки и опустить тубус на пол.

В квартире царила абсолютная, звенящая тишина. Никакого хаоса, никаких чужих вещей. Все стояло на своих местах: ровный ряд книг по теории архитектуры на стеллаже, вычищенный рабочий стол с настольной лампой, заправленная кроватная тахта. Это была ее территория безопасности, где всё подчинялось только ее правилам.

Майя прошла на кухню, не включая свет, набрала в чайник воды и поставила его на плиту. Щелкнула конфорка, и синий кружок пламени озарил темные стены легким, дрожащим светом.

Она оперлась руками о край кухонного гарнитура и уставилась на огонь. Нужна была стратегия. Если Самойлов отказался менять напарника, значит, нужно минимизировать личное эмоциональное присутствие. Работать с Крисом как с чертежной машиной. Никаких воспоминаний, никаких разговоров о прошлом, никаких вопросов о том, где он был и почему ушел. Только чертежи, графики, нормы СНиП и трехмерные модели.

Чайник тихо зашумел, закипая. Майя достала кружку, бросила в нее пакетик черного чая и залила крутым кипятком. Взяв горячую кружку обеими руками, она прошла к рабочему

столу в комнате и включила настольную лампу. Яркий направленный свет выхватил из темноты ее чистый блокнот для набросков.

Она села на стул, открыла первую страницу и взяла в руку простой карандаш. Нужно было выплеснуть накопившееся напряжение в работу, заставить мозг думать о концепции парка, о функциональных зонах и транзитных потоках пешеходов.

Карандаш быстро заскользил по бумаге, оставляя легкие, нервные штрихи. Сначала появился контур реки, затем границы существующего массива, подпорные стенки. Но рука словно жила своей собственной жизнью. Из-за размашистых линий ландшафта внезапно вырисовался знакомый изгиб — жесткая, лаконичная линия арки, а рядом с ней, на самом краю наброска, короткий, прерывистый штрих, до боли напоминающий форму тонкого шрама на чьей-то правой руке.

Майя замерла, глядя на то, что только что начертила.

Входную дверь в подъезде внизу кто-то оглушительно захлопнул, и звук этот эхом отозвался по стояку, заставив ее вздрогнуть и выронить карандаш прямо на раскрытый блокнот.

Звук хлопающей внизу двери быстро растаял в тишине пятиэтажки, но Майя еще долго не могла оторвать взгляд от графитового наброска. На белом листе среди хаотичных линий парковых аллей четко проступал силуэт, который она пыталась стереть из памяти последние три года. Она со злостью выдрала страницу из блокнота, смяла ее в кулаке и швырнула в мусорную корзину под столом.

Ей нужно было вернуть контроль. Любой ценой.

Майя подошла к окну, отдернула плотную штору и прижалась лбом к прохладному стеклу. Во дворе было темно и пусто. Лишь одинокий фонарь над подъездом выхватывал из полумрака мокрый асфальт да покрытые жёлтой листвой крыши припаркованных машин. Город спал, погружаясь в привычную осеннюю сырость, а в ее голове с оглушительной громкостью прокручивались события сегодняшнего дня.

Появление Криса не просто путало планы — оно разрушало всю систему координат, которую она так тщательно выстраивала. В ее мире больше не должно было быть места спонтанности, неконтролируемым эмоциям и надеждам, за которые потом приходится платить горькую цену. Она помнила каждый день после его исчезновения. Помнила, как звонила на отключенный номер, как стояла у закрытой двери его квартиры, как пыталась расспросить редких общих знакомых, встречая лишь растерянные или жалостливые взгляды. Он просто испарился. Забрал документы из школы за неделю до выпускного, не оставив ни записки, ни единого слова объяснения.

А теперь он вернулся. Стоит в коридоре ее университета, держит ее упавшую линейку и говорит о профессионализме с тем же спокойным, низким голосом, от которого у нее когда-то замирало дыхание.

Майя резко задернула штору, вернулась к столу и включила ноутбук. Выверенная рутина всегда была ее лучшим лекарством от хаоса. Она открыла программу для проектирования, загрузила генеральный план левобережного района и принялась въедливо изучать топографическую съемку. Границы парка, перепады высот, инженерные сети, точки подключения к городским коммуникациям. Цифры и графические обозначения успокаивали. В них не было предательства, не было недосказанности и скрытых мотивов. Они подчинялись строгим законам физики и логики.

Она просидела за компьютером до трех часов ночи, разбивая территорию будущего объекта на функциональные зоны. Майя решила подготовить настолько детальный и безупречный вариант концепции, чтобы у Криса не осталось ни единого шанса внести туда свои коррективы. Он будет просто исполнителем, техническими руками, если уж Самойлов так настаивает на их парной работе. Она возьмет на себя главную роль и не позволит ему влиять на конечный результат.

Когда будильник прозвенел в семь утра, Майя уже стояла на кухне с чашкой крепкого черного кофе без сахара. Зеркало в прихожей отразило бледное лицо с темными тенями под глазами, но в карих глазах застыло жесткое, почти упрямое выражение. Она закрутила волосы в еще более тугий пучок, натянула свой привычный объемный свитер, застегнула куртку и подхватила тубус.

Университет встретил ее привычным шумом. Утренние потоки студентов штурмовали гардероб, в коридорах пахло выпечкой из буфета и мокрой верхней одеждой. Майя целенаправленно прошагала на третьей этаж, миновав шумные компании сокурсников, и заняла свое привычное место у окна.

Криса не было ни на первой лекции по истории архитектуры, ни на последовавшей за ней семинаре по сопромату. Майя ловко ловила себя на том, что каждые пять минут бросает короткие взгляды на входную дверь, и каждый раз мысленно ругала себя за эту произвольную реакцию. Ей должно быть абсолютно всё равно, где он и чем занят. Главное, чтобы он явился в четыре часа в библиотеку, как они договаривались.

Время тянулось невыносимо медленно. Когда стрелка часов в главном холле подкралась к четырем, Майя уже сидела за дальним столом в читальном зале архива. Библиотека архитектурного факультета находилась в старом крыле здания — высоченные потолки, дубовые стеллажи, уходящие под самую лепнину, и запах вековой бумажной пыли, смешанный с ароматом мастики натертого паркета. Здесь всегда царила полутьма и глубокая, почти музейная тишина, нарушаемая лишь шелестом чертежной кальки.

Майя разложила перед собой планшет, выстроила изографы и открыла ноутбук с топографической картой. Она нарочно пришла на десять минут раньше, чтобы заняться наиболее изолированное место в самом конце зала, скрытое за высокими шкафами с дореволюционными альбомами.

Ровно в четыре часа тишину читального зала нарушили тяжелые, размеренные шаги.

Майя даже не подняла головы от экрана, но ее пальцы на клавиатуре мгновенно замерли. Крис прошёл между стеллажами, легко и бесшумно двигаясь по старому паркету, и остановился прямо напротив ее стола. Он отодвинул тяжелый дубовый стул и сел, аккуратно положив перед собой потертую кожаную папку и пару распечатанных листов.

Он не опоздал ни на секунду.

— Принес архивные выкопировки по грунтовым водам, — без прелюдий, полушепотом произнес Крис, пододвигая к ней один из листов. — На участке три подтопленных зоны. Если делать там капитальные аллеи с покрытием, через два года всё поплывет. Нужно менять посадку объектов.

Майя медленно перевела взгляд с листа бумаги на его лицо. Крис выглядел собранным, свежим, словно и не было вчерашнего разговора под проливным дождем. На нем была простая темная рубашка с засученными до локтей рукавами, обнажавшими четкие линии предплечий и тот самый тонкий светлый шрам на правой руке.

— Я уже просчитала дренажную систему, — холодно отозвалась Майя, не прикасаясь к принесенному документу. — Каскадные каналы с выходом к реке решат проблему подтопления без изменения главной оси парка.

— Твои каналы съедят треть полезной площади прогулочной зоны, — так же тихо, но твердо возразил Крис, слегка наклонившись вперед через стол. — К тому же это удорожает смету минимум на сорок процентов. Самойлов забракует этот вариант на первом же промежуточном просмотре. Нужно работать с рельефом, а не ломать его.

— Я не ломаю рельеф, я его оптимизирую, — Майя сузила глаза, ощущая, как внутри снова закипает раздражение. Он осмеливался критиковать ее расчеты, над которыми она просидела половину ночи. — Если у тебя есть лучшее решение, покажи графику. Словарные аргументы меня не интересуют.

Крис молча достал из папки тонкий маркер и плотный лист кальки. Он не стал спорить или доказывать свою правоту на словах. Вместо этого он быстро развернул перед ней карту участка и накрыл ее прозрачной калькой.

Его рука задвигалась по бумаге с удивительной уверенностью и точностью. Крис не пользовался линейкой — его штрих был летящим, эскизным, но при этом безупречно пропорциональным. Несколькими точными движениями он набросал альтернативную сетку дорожек, которая огибала проблемные зоны по естественным изогипсам холма, превращая недостатки ландшафта в его главное достоинство.

Майя заворуженно смотрела, как под его пальцами рождается совершенно иная, живая и пластичная пространственная композиция. Это было талантливо. Черт возьми, это было невероятно талантливо, и её профессиональное чутье не могло этого не признать. Он мыслил не сухими схемами, как она, а объемом, светом и движением человеческого потока.

— Вот здесь, — Крис остановил маркер у самого края кальки, указывает на точку пересечения двух главных аллей, — логично поставить открытый павильон. Он свяжет верхнюю террасу с набережной.

При этом его рука оказалась в каких-то двух сантиметрах от ее ладони, лежащей на столе. Майя ощутила исходящее от его кожи сухое тепло. Она дернулась, намереваясь отстраниться, но в этот момент её рука случайно задела край его пальцев.

Контакт длился не больше доли секунды, но этого хватило, чтобы по телу пробежала острая, электрическая волна. Крис мгновенно замер, прекратив чертить. Маркер остановился на бумаге, оставляя на кальке расплывающееся черное пятно.

Он медленно поднял глаза и посмотрел прямо на нее. В читальном зале висела звенящая, напряженная тишина, и Майя вдруг отчетливо услышала, как за стеной, в глубокой глубине коридора, кто-то медленно поднимается по старой деревянной лестнице.

Тишина в читальном зале стала почти осязаемой, тяжелой и густой. Черное пятно туши на кальке медленно расплывалось, превращаясь в неаккуратный круг, но ни Крис, ни Майя не спешили отвести взгляд или убрать руки. В этом коротком, случайном касании, длившемся не дольше одного короткого выдоха, было больше правды, чем во всех их сухих фразах и натянутых рабочих аргументах.

Майя первой отдернула руку, словно обжегшись об его теплую кожу. Она судорожно сжала пальцы в кулак и спрятала их в широком рукаве своего серого худи.

— Нам нужно держаться рамок чертежа, Белов, — выговорила она прохладным, чужим голосом, хотя сердце в груди колотилось с такой силой, что отдавало в висках. — Твой эскиз... интересен с точки зрения пластики. Но инженерную часть я перепроверю сама. Завтра.

Крис медленно отложил маркер, не сводя с нее своего темного, глубокого взгляда. На его лице проскользнула едва заметная, горькая тень. Он не стал возражать, не стал навязывать продолжение разговора или подталкивать её к откровениям, о которых оба потом пожалели бы.

— Как скажешь, Громова, — тихо произнес он, поднимаясь из-за стола и забирая свою папку. — Все файлы по рельефу я скину тебе на почту вечерним письмом. До завтра.

Он развернулся и неторопливо пошел по узкому проходу между высокими стеллажами, растворяясь в полумраке архива. Его тяжелые шаги постепенно затихли за массивной дубовой дверью, уступив место привычной библиотечной тишине.

Майя осталась сидеть одна у окна. Она смотрела на расплывшееся пятно на кальке и чувствовала абсолютную, вымораживающую опустошенность. Все ее оборонительные редуты, выстраиваемые годами, разваливались от одного его присутствия. Она могла обмануть профессора Самойлова, могла убедить сокурсников в своей полной непробиваемости, но себя обмануть не получалось.

Сложив чертежи обратно в тубус, Майя выскользнула из библиотеки. На улице уже окончательно стемнело. Город встретил ее холодным порывом осеннего ветра и мелкой, навязчивой

моросью, смешанной с опавшей листвой. Дорога до дома прошла как в тумане: подсвеченные желтыми огнями троллейбусы, отражения фонарей в темных лужах на асфальте, редкие прохожие, спешащие под зонтами.

Оказавшись в своей маленькой съемной квартире, Майя первым делом повернула замки на два оборота, скинула мокрые ботинки и прошла на кухню. Она не стала включать главный свет, оставив лишь тусклую подсветку над рабочей поверхностью. Достала из холодильника минеральную воду, сделала несколько жадных глотков и оперлась руками о край кухонного гарнитура.

Тишина квартиры, раньше казавшаяся идеальным убежищем, теперь давила на уши.

Она перешла в комнату, подошла к рабочему столу и опустилась на стул. Перед ней лежал чистый блокнот. Майя открыла первую страницу, взяла в руку карандаш и вывела на самом верху ровными, четкими буквами, словно формулировала новую теорему или строительное правило:

«Правило первое: Не влюбляйся в него снова».

Она подчеркнула фразу дважды, вжимая грифель в бумагу так сильно, что тот с треском сломался, оставив на листе жирную черную черту.

Это было главное условие ее выживания в ближайшие три месяца. Крис Белов больше не был тем парнем из прошлого, которому она доверила свое сердце. Он был чужим человеком, скрывающим за собой тайны, исчезнувшим без предупреждения и сломавшим ее доверие. Он был просто напарником по проекту, функциональным элементом в уравнении за получение гранта. Она позволит ему вычерчивать аллеи и придумывать пластику ландшафта, но больше никогда не подпустит к себе ближе, чем на расстояние рейсшины.

Телефон на столе коротко вибрировал, озарив комнату бледным светом экрана. Майя вздрогнула и перевела взгляд на дисплей. На экране высветилось уведомление о новом входящем письме с неизвестного адреса.

В теме письма значилось лишь три слова: «Исходники по проекту».

Майя помедлила секунду, ощущая, как внутри снова поднимается знакомое тревожное чувство, и кликнула по ссылке. Внутри письма действительно содержались архивные чертежи и схемы геодезической съемки, о которых они говорили. Но в самом низу, под списком вложенных файлов, находилась еще одна короткая строчка текстом:

«Я знаю, что ты мне не веришь. Но я пришел сюда не для того, чтобы снова причинить тебе боль».

Майя замерла, уставившись на строчку на экране. Ее палец завис над клавишей удаления сообщения, сердце отбивало чечетку в грудной клетке, а за окном, в осенней тьме, снова зашумел ливень, барабана по подоконнику.

Глава 2. Границы и сарказм

Утренний свет пробивался сквозь затянутое тучами небо с большим трудом, заливая комнату тусклым, серым сиянием. Майя стояла у кухонного стола, держа в руках остывшую кружку с чаем, и смотрела на экран ноутбука, где все еще светилась последняя строчка из вчерашнего письма Криса. Текст казался чужеродным на фоне сухих строчек файлов с расширением для САД-программ. «Я пришел сюда не для того, чтобы снова причинить тебе боль». Фраза жгла глаза, заставляя застарелую обиду пульсировать с новой силой.

Она не стала отвечать. Просто заставила себя закрыть крышку ноутбука, со скрежетом опустив ее до щелчка, будто тем самым могла заблокировать и сами воспоминания.

Подготовка к встрече в университетском кафе требовала от нее особого настроя. Это не была дружеская посиделка и не свидание — это был сухой, прагматичный бой за границы своего личного пространства. Майя подошла к зеркалу в прихожей и критически осмотрела свое отражение. На ней был привычный черный объемный свитер крупной вязки с высокими манжетами, в которые можно было полностью спрятать ладони, и темные прямые джинсы. Волосы, как всегда, были собраны в небрежный пучок, удерживаемый лишь парой шпилек и простым карандашом, просунутым сквозь пряди для надежности. Никаких украшений, никакой косметики — лишь строгость, функциональность и полная готовность к защите.

Она аккуратно уложила в кожаный портфель пачку плотной бумаги формата А3, наборы изографов, ластик, металлический планшет с клипсой и распечатанные таблицы по строительным нормам. Каждый предмет занимал строго отведенное ему место. Порядок в вещах давал хотя бы иллюзию контроля над ситуацией, пусть даже этот контроль рушился каждый раз, когда Крис Белов оказывался в радиусе двух метров.

Выйдя из дома, Майя направилась в сторону университетского городка. Осенний воздух был пропитан запахом прелой листвы и мокрого асфальта. Город только начинал просыпаться: мимо проезжали редкие машинами, дворники с глухим шуршанием мели тротуары, а над крышами старых профессорских домов поднимался дым из вентиляционных труб. Майя шла быстро, чеканя шаг, стараясь ни о чем не думать, перебирая в голове исключительно параметры ландшафтного проектирования, формулы расчета уклона рельефа и требования к инсоляции парковых зон.

Университетское кафе «Чертежник», расположенное в цокольном этаже главного корпуса, было традиционным местом сбора студентов-архитекторов. Здесь всегда стоял специфический шум: гул множества голосов, стук фарфоровых чашек, постоянный шип паровика кофемашины и легкое шуршание кальки. Стены из старого красного кирпича были увешаны лучшими студенческими набросками прошлых лет, а на массивных дубовых столах виднелись многочисленные следы от канцелярских ножей и пролитой туши.

Майя пришла на пятнадцать минут раньше назначенного времени. Это был продуманный ход: занять выгодную позицию, привыкнуть к обстановке, разложить свои материалы и встретить противника во всеоружии. Она выбрала дальний столик в углу, скрытый от основного зала кирпичной колонной. Здесь было чуть темнее, но зато никто не стоял за спиной.

Повесив куртку на спинку стула, она заманила у официанта обычный фильтр-кофе без сахара и разложила перед собой планшет. Извлекла из папки лист с первичной геодезической подосновой и принялась методично переносить основные высотные отметки, используя тонкий карандаш твердости 2Н. Линии получались сухими, точными, практически невидимыми для неопытного глаза.

Она полностью ушла в процесс, стараясь заглушить нарастающий внутри тревожный гул. Каждый штрих был для нее ритуалом, способом абстрагироваться от реальности. Пальцы дви-

гались уверенно, привычно сжимая граненый корпус карандаша, но внутри всё равно сохранялось ощущение натянутой до предела струны.

Часы на стене над барной стойкой показывали три минуты до четырех. Майя сделала глоток прохладного кофе, не ощущая его вкуса, и отложила карандаш. Нужно было выдохнуть и настроиться.

В этот момент дверной колокольчик у входа в кафе тихо звякнул, впуская внутрь порцию свежего уличного воздуха. Майя не поднимала глаз, но по изменению фонового шума в заведении и по характерному звуку шагов мгновенно поняла: он пришел.

Крис шел сквозь зал уверенно, слегка пригибаясь под низкими сводами цокольного этажа. На нем была темная куртка, с которой он еще на ходу стряхивал капли моросящего дождя, и простая черная толстовка. В руке он держал туго набитую кожаную папку на молнии — старую, слегка потертую по углам, с которой Майя помнила его еще со старших классов школы. Эта деталь неожиданно больно кольнула в память, вызвав короткую вспышку тепла, которую она тут же подавила жестким усилием воли.

Крис заметил ее в углу и направился прямо к столику. Его карие глаза фиксировали каждое ее движение, но лицо оставалось привычно спокойным, словно высеченным из камня. Он двигался с той естественной, небрежной грацией, которая всегда выгодно выделяла его среди других парней, но сейчас в его осанке сквозила сдержанная напряженность.

— Добрый день, Громова, — произнес он, останавливаясь у стола. Голос прозвучал ровно, без вызова, но с той самой глуховатой поволокой, от которой у Майи внутри все сжалось.

— Четыре часа, — сухо констатировала Майя, не поднимая головы и продолжая разглядывать свой чертеж. — Пунктуально. Садись, у нас мало времени. Мне еще нужно успеть в макетную мастерскую до шести.

Крис молча скинул куртку, повесив ее на соседний стул, и сел напротив. Расстояние между ними снова сократилось до ширины небольшого дубового стола. В узком пространстве между ними мгновенно возникло то самое плотное, заряженное напряжение, которое невозможно было игнорировать.

Он опустил свою папку на столешницу, расстегнул молнию и достал оттуда стопку плотной бумаги.

— Я изучил твои прошлые курсовые по градостроительству, — спокойно сказал Крис, разворачивая первый лист. — Ты великолепно работаешь со СНиПами и инженерными сетями, но твои варианты планировки слишком жесткие. Ты пытаешься вписать природный ландшафт в строгую геометрическую сетку. Парк так не работает, Майя. Люди не ходят под прямыми углами, если им нужно просто подышать воздухом.

— Люди ходят там, где проложены удобные, логичные маршруты, — отрезала Майя, подняв на него взгляд. — А не там, где какой-нибудь романтичный архитектор решил нарисовать красивую загоулину, игнорируя перепады высот и проблемы с водоотводом.

— Логика — это не только прямые линии, — Крис подвинул к ней один из своих набросков. — Посмотри сюда.

Он наклонился ближе, указывая пальцем на центральную часть чертежа. Он оказался настолько близко, что Майя ощутила тонкий запах осенней сырости, кофе и легкого табачного дыма, исходивший от его одежды. Этот запах словно пробивал всю ее защиту, возвращая в те времена, когда они сидели на подоконнике в ее комнате и точно так же спорили о глупостях, смеясь и не думая о будущем.

— Вот здесь, на перепаде рельефа, — продолжал Крис, словно не замечая ее внутреннего замешательства, — ты предлагаешь подпорную стенку высотой в два с половиной метра. Это массивный бетонный монстр, который рассечет парковую зону на две изолированные части. Я предлагаю заменить её системой террасированных габионов с зелеными насаждениями. Это мягко впишет перепад в среду и создаст естественный амфитеатр.

Майя вынуждена была посмотреть на его чертеж. Линия была проведена от руки, но с потрясающим чувством пропорций и пространственного объема. Он не просто набросал схему — он прорисовал текстуру камня, направление движения пешеходных потоков и даже сгенерировал естественные тени от проектируемых деревьев. Это было визуально безупречно, и Майя, как профессионал, не могла этого не оценить.

Но принять его правоту означало сдать первые позиции в этом противостоянии.

— Габиионы требуют постоянного ухода и увеличивают эксплуатационные расходы бюджета города в три раза, — прохладно отозвалась она, доставая из пенала рапидограф и начиная делать пометки прямо на полях его чертежа. — Городская администрация срежет эту идею еще на этапе защиты сметы. Нам нужен практичный проект, а не красивая картинка для журнала.

— Ты думаешь только о том, как защититься от комиссии, — Крис слегка сузил глаза, вглядываясь в ее опущенное лицо. — А надо думать о том, как там будут себя чувствовать люди. Ты всегда так делаешь, Громова. Выстраиваешь стены по периметру, чтобы никто, не дай бог, не перелез через кромку, а потом удивляешься, почему внутри оказывается слишком мало воздуха.

Слова прозвучали с очевидным подтекстом, выходящим далеко за рамки архитектурного спора. Майя замерла. Стержень рапидографа на секунду завис над бумагой, оставляя на белоснежной поверхности микроскопическую точку туши.

— Я выстраиваю стены там, где они необходимы для прочности конструкции, — ответила она, медленно поднимая глаза и встречаясь с его темным, испытывающим взглядом. — По крайней мере, мои стены не рушатся без предупреждения, погребая под собой всё, что было внутри.

В кафе на мгновение словно отключили звук. Шипение кофемашины и смех студентов за соседним столиком превратились в далекий, неразборчивый гул. Крис не отвел взгляда. Напротив, его лицо стало еще более строгим, а на скулах вновь отчетливо проступили желваки.

— Ты думаешь, я ушел, потому что мне так захотелось? — тихо, сдерживая внутренний порыв, проговорил он. Голос прозвучал настолько низко и весомо, что у Майи на секунду перехватило дыхание.

— Мне всё равно, почему ты ушел, Белов, — соврала она, откидываясь на спинку стула и скрещая руки на груди, спрятав зябнувшие пальцы в широких рукавах свитера. — Меня интересует только то, что ты сделал это молча. Без единого слова. Без сообщения. Без возможности задать хоть один вопрос. Ты просто исчез, будто три года до этого вообще ничего не значили. И теперь ты приходишь сюда, садишься напротив и учишь меня, как строить открытые пространства? Это даже не ирония, Крис. Это банальное лицемерие.

Она говорила тихо, но каждое слово резало воздух с точностью скальпеля. Вся накопленная за эти три года боль, все невыплаканные слезы, переработанные в сухую, жесткую гордость, сейчас стояли между ними непробиваемым щитом.

Крис молчал несколько секунд. Он опустил взгляд на свои руки, лежащие на столе, и Майя увидела, как его правая ладонь сжалась в кулак, так что светлый шрам на запястье слегка натянулся.

— Я не мог по-другому, Майя, — произнес он едва слышно, и в этом тихом признании проскользнула такая глухая, тяжелая безысходность, что жесткий настрой Майи на мгновение дал опасный сбой. — Если бы я остался тогда хоть на один день... или если бы попытался тебе всё объяснить... всё стало бы только хуже. Для тебя в первую очередь.

— Ах, конечно, — с горьким сарказмом усмехнулась Майя, хотя внутри всё сжалось от ледяного холода. — Ты, как всегда, спасал меня. Какая благородная жертвенность. Только вот меня никто не спросил, нужна ли мне такая спасательная операция. Ты просто решил за нас двоих, стер всё в порошок и ушел в туман. А я осталась собирать осколки.

— Майя... — Он сделал невольное движение рукой вперед, словно хотел коснуться ее ладони, лежащей на краю стола.

— Не трогай меня, — предупреждая произнесла она, мгновенно отстраняясь и восстанавливая дистанцию. — Мы здесь ради проекта. Только ради него. Если ты еще раз попытаешься завести разговор о прошлом, я пойду к декану и добьюсь моего перевода на другую кафедру, даже если для этого придется потерять год. Ты меня понял?

Крис замер. Он медленно опустил руку обратно на стол. Его взгляд снова стал непроницаемым и холодным, словно он заново возвел ту самую стену, в отсутствии которой только что её упрекал.

— Понял, — сухо ответил он. — Давай к чертежам.

Они просидели над материалами еще полтора часа, но атмосфера за столиком изменилась окончательно. Разговор свелся к отрывистым, сугубо техническим фразам: «здесь уклон три процента», «тут нужна ливневка», «привязка к геодезической оси Б». Они спорили жестко, профессионально, цепляясь за каждый миллиметр и каждый рубль потенциальной сметы, но за этим сухостоем терминов бушевала настоящая буря.

Крис оказался въедливым и невероятно подготовленным соперником. Он мгновенно находил слабые места в ее расчетах, а она с легкостью разбивала его чересчур смелые архитектурные фантазии о жесткие требования нормативных документов. Но парадоксальным образом в этом споре рождалось нечто совершенно уникальное. Их идеи, сталкиваясь и срезая крайности друг друга, постепенно складывались в удивительно гармоничный, сильный проект.

Когда набросок центральной алеи был закончен, Майя невольно вздохнула, рассматривая получившийся результат. Это был идеальный компромисс: ее строгая инженерная структура и его живая, пластичная архитектурная форма. Проект выглядел настолько убедительно, что даже Самойлову пришлось бы признать их правоту.

— На сегодня хватит, — произнесла Майя, глядя на часы. Было уже почти шесть. — Я переведу этот эскиз в электронный вид и скину тебе координатную сетку.

Она начала быстро собирать свои вещи, аккуратно складывая инструменты в пенал и пряча бумаги в папки. Крис не помогал ей, но и не уходил, молча наблюдая за её четкими, доведенными до автоматизма движениями.

Когда она уже застегивала куртку, Крис неожиданно произнес:

— Ты стала намного сильнее, Майя. Но ты стала абсолютно холодной.

Майя замерла у края стола, натягивая на плечо ремень тяжелого портфеля. Она медленно повернула к нему голову, выпрямила спину и посмотрела прямо в его карие, полные затаенной грусти глаза.

— Меня научили, Крис, — ответила она ровным, лишенным всяких эмоций тоном. — И учителем был ты.

Не давая ему возможности ответить, она развернулась и быстрыми, решительными шагами направилась к выходу из кафе. Дверной колокольчик тихо прозвенел, впуская ее в сумерки осеннего вечера.

На улице снова моросило. Ледяные капли падали на горячее лицо, но Майя даже не попыталась поднять капюшон. Она шла по аллее сквера, ощущая, как ноги становятся ватными от пережитого напряжения. Внутри нее бушевал такой хаос, какого она не чувствовала уже очень давно. Он вернулся. Он был рядом. Он спорил с ней, дышал тем же воздухом, смотрел на нее теми же глазами, и сдерживать эту плотину становилось с каждым часом всё сложнее.

Она миновала арку главного корпуса и направилась к макетным мастерским, расположенным в отдельном одноэтажном флигеле во дворе университета. Ей нужно было забрать оставленные вчера планшеты и взять резак для пенокартона.

Флигель встречал темнотой длинного коридора. В это время занятия уже закончились, и в здании оставались лишь дежурные лаборанты. Майя прошла к своей двери в конце пролета, достала ключ из кармана и повернула его в скважине.

Дверь с тихим скрипом отворилась, открывая темноту мастерской, где пахло клеем, резной древесиной и пылью. Майя шагнула внутрь, протянула руку к выключателю на стене, но в этот момент сзади, в глубине темного коридора, раздались поспешные, тяжелые шаги, и кто-то окликнул ее по имени.

Майя замерла с поднятой к выключателю рукой. Сердце мгновенно сорвалось на частый, рваный ритм, глухо отдавая в висках. Она не успела щелкнуть тумблером: тусклый свет из коридора обрисовал на полу мастерской длинную силуэтную тень.

— Громова, придержи дверь! — раздался громкий, запыхавшийся голос Кати.

Майя медленно опустила руку и глубоко выдохнула, чувствуя, как спадает первичное напряжение, уступая место привычной профессиональной собранности. В проеме показалась сокурсница, с трудом тащившая два огромных листа пенокартона и объемную коробку с макетными ножами и баллонами аэрозольного клея.

— Я думала, ты уже ушла, — произнесла Майя, отступая в сторону и наконец включая верхнее освещение. Гудящие люминесцентные лампы озарили помещение холодным, слегка синеватым светом.

— Если бы! — Катя с грохотом сгрузила материалы на центральный раскройный стол и со вздохом выпрямилась, поправляя съехавший набор шарф. — Самойлов перенес наш промежуточный просмотр с пятницы на утро четверга. У нас осталась ровно одна ночь, чтобы собрать рабочий макет ландшафта. Если мы не успеем показать хотя бы посадочные массы и рельеф, он нас просто закопает.

Майя слегка нахмурилась. Перенос сроков был неожиданным ударом по ее тщательно продуманному графику, но панике она поддаваться не собиралась.

— Какая именно часть рельефа его интересует? — уточнила она, уже подступая к стеллажу и оценивая запасы материалов. — Топографическая подоснова или уже проработанные зоны?

— Все, Майя! Ему нужен полный ситуационный контекст с привязкой к береговой линии, — Катя устало потерла переносицу. — И твоя пара тоже попала под этот замес. Насколько я знаю, Самойлов лично передал Белову, что ждет от вас объемное решение до завтрашнего утра.

Имя Криса, произнесенное вслух в этой тихой, пропахшей клеем мастерской, отозвалось внутри Майи острой, тупой болью. Лишь полчаса назад она была уверена, что получила передышку до завтрашнего дня, что сможет запереться в своей квартире и с головой уйти в черчение, изолировав себя от его присутствия. Теперь же жесткие рамки академического графика бесцеремонно рушили её оборону.

— Он в курсе? — тихо спросила Майя, вытаскивая из ящика длинную металлическую линейку.

— Думаю, да. Я видела его на кафедре, когда забирала планшеты. Он как раз разговаривал с лаборантами, — Катя бросила на нее быстрый, испытующий взгляд. — Слушай, Майя... Я не лезу не в свое дело, но вы сегодня в «Чертежнике» выглядели так, будто готовы были сломать друг о друга пару макетных ножей. Между вами что-то есть? Вы ведь знали друг друга раньше?

Майя замерла на секунду, проверяя остроту сменного лезвия канцелярского ножа. Металл блеснул в свете лампы.

— Мы учились в одной школе, — ровным, прохладным тоном ответила она, не глядя на подругу. — Очень давно. Это никак не относится к проекту.

— Ну-ну, — протянула Катя, но, чувствительная к чужим границам, расспрашивать дальше не стала. — В общем, я побежала на второй этаж, мы с Пашкой заняли дальнюю аудиторию. Если что-то понадобится из клея — заходи.

Когда Катя ушла, закрыв за собой тяжелую дверь, мастерская погрузилась в звенящую тишину. Майя осталась одна среди высоких стеллажей, уставленных гипсовыми подрамниками, макетами прошлых лет и рулонами кальки.

Она подошла к рабочему столу, разложила полученные от геодезистов данные и принялась готовить основу под макет. Ей нужно было нарезать слой за слоем трехмиллиметровый пробковый лист, чтобы воссоздать точный перепад высот паркового холма. Это была монотонная, кропотливая работа, требующая абсолютной точности: один неверный срез — и масштаб горизонталей поплывет, искажая реальный рельеф.

Майя наложила трафарет, прижала его стальной линейкой и с нажимом провела лезвием по жесткой поверхности пробки. Отрезанный край отвалился с легким хрустом. Она сделала второй срез, третий, полностью погружаясь в привычный ритм, заглушающий тревожные мысли.

Прошло около сорока минут. Спина начала затекать от однообразного наклона, а пальцы левой руки, удерживавшие металлическую линейку, постепенно занемели от напряжения. Майя остановилась, оперлась ладонями о край стола и глубоко выдохнула, рассматривая первые собранные слои рельефа.

В этот момент за спиной раздался легкий шорох. Дверь мастерской тихо отворилась, и на пороге появился Крис.

Он был без куртки, в той же черной толстовке с засученными рукавами. В руках он держал массивную деревянную коробку с профессиональным набором резаков по дереву и пенопласту, а на плече висел его постоянный тяжелый рюкзак.

— Катя сказала, ты здесь, — произнес он вместо приветствия. Голос прозвучал спокойно, без тени иронии или превосходства. — Самойлов сместил сроки. Нам нужно собрать объемный макет до восьми утра.

Майя медленно выпрямилась, убирая выбившуюся прядь волос назад за ухо.

— Я уже начала нарезку подосновы, — суховати ответила она, указывая подбородком на подготовленные слои пробки. — Масштаб один к двумстам. Если мы хотим успеть, тебе придется взять на себя вырезку сложного берегового рельефа и подпорных стенок. Я закончу горизонтالي парковой зоны.

Крис молча подошел к столу, поставил свою коробку и сбросил рюкзак на пол. Он не стал задавать лишних вопросов и не пытался вернуться к их последнему жесткому разговору в кафе. Он просто посмотрел на разложенные чертежи, оценил объем работы и ровно через десять секунд включился в процесс.

— Пробка — слишком мягкий материал для берегового сброса, — заметил он, доставая из своей коробки макетный нож с широким лезвием. — На стыке с водой она начнет крошиться при наклейке. Лучше взять стиропор высокого давления, он держит четкую кромку.

— У нас нет стиропора нужной толщины, — возразила Майя, не прерывая своей работы.

— Есть, — Крис нагнулся, растянул рюкзак и достал оттуда два плотных листа серого экструдированного пенополистирола. — Я зашел на склад перед приходом.

Майя на мгновение замерла, но ничего не ответила. Доказывать свою правоту или оспаривать его инициативу в условиях катастрофической нехватки времени было глупо. Он действовал прагматично, и с профессиональной точки зрения его решение было безупречным.

Они расположились по разные стороны широкого раскройного стола. В мастерской установилась рабочая атмосфера, разбавляемая лишь ритмичным шуршанием резаков по материалу, редким пощелкиванием канцелярских ножей да глухими ударами деревянной киянки, когда Крис подгонял сложные стыки рельефа.

За окном мастерской окончательно стемнело. Осенний ветер гонял по двору опавшую листву, изредка бросая в стекло пригоршни мелких дождевых капель. Внутри же помещения царил особый микроклимат: свет рабочей лампы выхватывал из полумрака два склоненных над столом силуэта, белую стружку пенопласта и постепенно вырастающий на деревянном щите трехмерный ландшафт будущего парка.

Работать с Крисом оказалось странно легко. Несмотря на все барьеры, выстроенные между ними, их руки и мысли двигались в каком-то негласном, почти автоматическом синхроне. Крис подготавливал основание — Майя тут же накладывала верхний слой. Он наносил тонкую полоску клея — она фиксировала деталь стальными булавками, не давая материалу съехать. Им практически не требовались слова: достаточно было короткого взгляда или жеста, чтобы понять следующую операцию.

Это профессиональное взаимопонимание пугало Майю едва ли не сильнее, чем его попытки заговорить о прошлом. Она привыкла считаться одиночкой, привыкла, что любая парная работа превращается в необходимость постоянно контролировать и исправлять чужие ошибки. Но Крис делал свою часть с филигранной точностью, чувствуя объем и пластику формы так, словно сам был частью этого ландшафта.

Около десяти вечера работа над базовым рельефом была практически завершена. На планшете уже отчетливо проступали каскадные террасы холма, мягкий спуск к воде и точно вырезанное ложе будущей реки.

Майя тянулась за новым флаконом с клеем, расположенным на противоположном краю стола, когда ее пальцы соскользнули по гладкой пластиковой поверхности. Флакон качнулся и опрокинулся, грозя пролить густой жидкий состав прямо на еще не высохшую центральную часть макета.

— Осторожно! — Крис мгновенно выбросил руку вперед, перехватывая падающую емкость в миллиметре от поверхности ватмана.

Его пальцы накрыли флакон, но одновременно с этим его ладонь плотно прижалась к тыльной стороне руки Майи.

Контакт был не просто случайным — он вышел слишком плотным и длительным. Майя замерла, ощутив, как по коже мгновенно от пальцев к плечу пробился знакомый, обжигающий импульс. Крис не отдернул руку сразу. Он замер напротив, удерживая емкость, и его пальцы чуть сильнее, буквально на долю секунды, сжали ее суставы.

Майя медленно подняла голову. Они стояли, склонившись над раскройным столом, и расстояние между их лицами составляло не больше тридцати сантиметров. В ярком свете настольной лампы она отчетливо видела крошечные золотистые искорки в его темных карих глазах, жесткую линию его губ и маленькую капельку пота, застрявшую у самого виска. От него пахло смолой, свежей древесиной и тем самым теплым, узнаваемым ароматом, который не смогли стереть ни три года разлуки, ни осенние дожди.

— Я держу, — тихо, почти шепотом произнес Крис, но его голос прозвучал в тишине мастерской настолько интимно, что у Майи прервалось дыхание.

Она смотрела в его глаза и отчетливо видела, как под его внешней непрístupной броней пробивается то самое глубокое, нерастраченное чувство, которое он так тщательно пытался скрыть за сухими фразами. В его взгляде больше не было холода — только немая, затаенная тоска и просящее негласное моление о понимании.

Майя ощутила, как в груди снова рушится какой-то важный, защитный клапан. Ей безумно захватало не отстраняться, не вырывать руку, а просто прижаться лбом к его плечу и выплеснуть всю ту усталость и боль, которые она копила три долгих года.

Крис медленно ослабил хватку на флаконе, но его пальцы плавно скользнули по её запястью вниз, оставляя на чувствительной коже почти невидимый, теплый след.

— Майя... — выдохнул он, и в этом единственном слове проскользнула такая незащищенность, какой она у него никогда раньше не видела.

Он сделал едва заметное движение головой вперед, словно намереваясь преодолеть оставшиеся между ними сантиметры пространства. Майя завороченно следила за его движением, не в силах шевельнуться, ощущая, как рушатся все ее выверенные правила и мысленные запреты.

В этот момент снаружи, у самого окна мастерской, раздался резкий, громкий треск сломавшейся под чьей-то ногой сухой ветки, за которым последовал тяжелый глухой стук по металлическому отливу.

Резкий звук, донесшийся со двора, разрезал натянутый до предела воздух мастерской. Наваждение мгновенно рассеялось, разрушив хрупкую, опасную близость. Майя отпрянула назад, словно от физического удара, случайно задев локтем край подрамника. Крис реагировал быстрее: он выпрямился, накрыл флакон с клеем ладонью и повернул голову к темному окну, пристально всматриваясь в силуэты мокрых лип за стеклом. На его лице не осталось и следа той неожиданной незащищенности — лишь мгновенная, почти инстинктивная готовность к защите и жесткая собранность.

За стеклом мелькнула и пропала темная фигура какого-то запоздавшего студента с параллели, спешащего к выходу из университетского двора. Обычный прохожий, случайно задевший куст. Ничего опасного.

Майя судорожно вздохнула, пытаясь вернуть контроль над собственным телом. Пальцы левой руки всё еще помнили обжигающее тепло его кожи на её запястье. Это случайное, затянувшееся касание чуть не стоило ей всей выстроенной защиты. Она едва не поддавалась слабости, едва не позволила эмоциям взять верх над разумом. В груди всё горело от злости на саму себя.

— Нам нужно закончить нарезку центральной зоны, — произнесла она, заставляя свой голос звучать максимально сухо и буднично, хоть он и слегка подрагивал в самом начале. — Время почти одиннадцать.

Крис медленно перевел на нее взгляд. В его карих глазах на секунду отразилась горечь, но он ничего не сказал. Лишь слегка кивнул, взял с края стола макетный нож и вернулся к чертежу, снова убирая все чувства за непроницаемый фасад.

Оставшиеся два часа они работали в абсолютном молчании. Никаких случайных касаний, никаких долгих взглядов. Майя методично приклеивала тонкие пластины пробки, слой за слоем воссоздавая уклон паркового холма, а Крис филигранно вырезал из пенополистирола береговые террасы и узкие ступени будущих лестниц. Они действовали как два идеально отрегулированных механизма, связанных общей задачей, но абсолютно чужих друг другу.

К часу ночи рабочий макет ландшафта был готов. На широком деревянном щите выросла миниатюрная рельеф береговой зоны: сложные перепады высот, четкие линии подпорных стенок, плавно спускающиеся к вырезанному ложу реки. В свете настольной лампы геометрия смотрелась безупречно — строгая, динамичная и выразительная.

Майя оперлась ладонями о край стола, разглядывая результат их совместной работы. Не признать это было невозможно: без его умения чувствовать пространственную пластику проект выглядел бы намного суше и проще. Они действительно дополняли друг друга в профессиональном плане, как бы сильно она ни пыталась это отрицать.

— Готово, — тихо произнес Крис, откладывая инструмент и вытирая испачканные графитовой пылью пальцы салфеткой. — Для промежуточного просмотра этого более чем достаточно. Самойлов оценит посадку рельефа.

— Нужно дать клею полностью высохнуть, — ответила Майя, не смотря на него. — Я останусь здесь еще на полчаса, чтобы прибрать стол и накрыть макет защитным колпаком. Ты можешь идти.

Крис не стал спорить. Он надел куртку, закинул на плечо рюкзак, но у самой двери снова задержался. Он обернулся, опираясь рукой о дверной косяк. В полумраке коридора его силуэт казался еще более высоким и одиноким.

— Я приду к восьми утра, чтобы помочь донести планшеты в аудиторию, — сказал он низким, уставшим голосом. — Не пытайся тащить щит сама, Громова. Он слишком тяжелый.

— Я справлюсь, — привычно отозвалась Майя.

— Я приду в восемь, — повторил он, не оставляя пространства для возражений, и вышел, тихо притворив за собой тяжелую дубовую дверь.

Когда его шаги затихли в глубине коридора, Майя опустилась на табурет. Силы окончательно покинули ее. Все тело ломилось от длительного напряжения, но в голове не было ни капли сна. Она смотрела на собранный макет, на ровные срезы пробки и аккуратные стыки пенопласта.

Правило «Не влюбляйся в него снова», записанное вчера в блокноте, казалось сейчас единственной соломинкой, за которую можно было удержаться. Но с каждым часом, проведенным рядом с Крисом, эта соломинка становилась все более хрупкой. Он больше не был абстрактным призраком из прошлого. Он был здесь, из плоти и крови, со своими тяжелыми молчаниями, со своими умелыми руками, с тем же затаенным желанием защитить ее от любой мелкой неприятности — и с той же непонятной, пугающей тайной за плечами.

Майя поднялась, накрыла макет прозрачным пластиковым куполом, выключила свет и заперла мастерскую.

Утро четверга встретило университет привычным суматошным шумом. Ноябрьский ветер выдувал остатки тепла из подвальных пролетов, а в третьей аудитории уже вовсю шла подготовка к промежуточному просмотру. Студенты судорожно расставляли подрамники, доклеивали последние детали на макетах, спорили и наперебой повторяли параметры своих концепций.

Крис пришел ровно в восемь, как и обещала его непреклонная пунктуальность. Он молча забрал тяжелый деревянный щит с макетом и поднял его на третий этаж, не позволив Майе даже взяться за край каркаса конструкции.

Профессор Самойлов появился в аудитории в сопровождении двух приглашенных экспертов — молодых архитекторов из ведущего городского бюро. Он медленно двигался от стола к столу, строгим взглядом оценивая представленные работы, не скупился на жесткую критику и беспощадно срезал слабые идеи.

Когда комиссия приблизилась к их столу, Майя ощутила, как пальцы снова холодеют от волнения.

— Ну что, коллега Громова и коллега Белов, — произнес Самойлов, останавливаясь перед их макетом и озирая собранный рельеф поверх очков. — Покажите, к чему привел ваш вынужденный союз.

Майя сделала шаг вперед, собираясь начать привычную, отточенную презентацию инженерно-технической части, но один из приглашенных экспертов — высокий брюнет в дорогом пиджаке — пренебрежительно качнул головой, даже не дослушав первые предложения.

— Входная группа совершенно не проработана, — перебил он её жестким, самоуверенным тоном. — Вы перегрузили верхнюю террасу подпорными элементами. Это выглядит топорно и устарело. Такой подход убивает всю легкую эстетику современного парка. Кто вообще проектировал этот узел?

Майя замерла от неожиданной и явно несправедливой атаки. Входная группа была спроектирована в строгом соответствии с топографическими нагрузками, и любая альтернатива без подпорных стенок привела бы к сползанию грунта. Она уже открыла рот, чтобы привести сухие цифры расчетов и выдать отповедь эксперту, но не успела произнести ни слова.

Крис шагнул вперед, мгновенно перекрывая собой угол стола, и выпрямился во весь рост, глядя на эксперта тяжелым, не допускающим возражений взглядом.

— Входная группа спроектирована с учетом геодезического среза и несущей способности грунта на этом конкретном участке, — произнес Крис. Голос его прозвучал неожиданно низко, ровно и с той звенящей, металлической уверенностью, которая мгновенно заставила стихнуть шепотки студенческой аудитории. Он сделал полшага вперед, слегка заслоняя Майю плечом, но не перекрывая ей обзор, а лишь обозначая нерушимую позицию. — Если вы обратите внимание на разрез В-В на нашем планшете, то увидите, что подпорный элемент выполнят роль не просто декоративного барьера, а удерживает подвижный пласт глины. Убрать его ради «легкой эстетики» — значит обречь весь нижний амфитеатр на сползание после первых же осенних заморозков.

Приглашенный эксперт слегка нахмурился, явно не ожидавший столь жесткого и технически аргументированного отпора от студента. Он сделал шаг к макету, наклонился и всмотрелся в аккуратные срезы пенополистирола, поправляя дужку дорогой оправы.

— Эстетика не должна идти в ущерб конструктиву, если мы говорим о реальном строительстве, а не о красивых картинках для презентаций, — добавил Крис, и в его тоне проскользнула холодная, сдержанная сила. — Громова провела точнейший расчет нагрузок. Это не ошибка, это#ное рабочее инженерное решение для данного рельефа.

Майя замерла за его спиной, чувствуя, как внутри всё сжимается от странного, давно забытого чувства. Он не просто защищал концепцию — он защищал её. Её расчеты, её бессонные ночи, её профессиональную правоту. Без тени сомнения, уверенно и безапелляционно.

Самойлов, до этого молча наблюдавший за перепалкой, позволил себе тонкую, едва заметную усмешку в седеющие усы. Он подошел ближе, постучал сухим пальцем по краю деревянного щита и посмотрел на эксперта.

— Белов прав, Игорь. На этом участке геология отвратительная. Громова и Белов — единственные из всей группы, кто не поленился поднять архивные карты гидрогеологии за последние сорок лет и учесть реальный сброс грунтовых вод. Так что эстетика тут как раз вытекает из функций. Отличная работа с рельефом.

Эксперт неопределенно хмыкнул, еще раз окинул взглядом макет и, не найдя к чему придраться, кивнул:

— Что ж, убедительно. Конструктив засчитан.

Когда комиссия переместилась к соседнему столу, Майя так и осталась стоять на месте, глядя на широкие плечи Криса. Тот медленно выдохнул, расправил затекшую спину и повернулся к ней. В его карих глазах не было триумфа — лишь привычная, глубокая усталость и быстрый, сканирующий взгляд, словно он проверял, в порядке ли она.

— Я и сама могла ответить, — тихо, сквозь зубы произнесла Майя, отворачиваясь к планшету и делая вид, что поправляет зажим на чертеже. Пальцы слегка дрожали, и она изо всех сил пыталась это скрыть. — Мне не нужна твоя опека перед комиссией, Белов. Я способна защитить свои расчеты самостоятельно.

— Я знаю, что способна, — ровно ответил Крис, вытирая руки бумажной салфеткой. — Но мы работаем в паре. Он нападал на наш общий проект. Я просто озвучил факты.

— Ты сделал это так, будто я сама не в состоянии связать двух слов, — Майя вскинула голову, встречаясь с ним взглядом. Внутри нее бушевала непонятная злость — смесь благодарности, которую она отчаянно не хотела ощущать, и дикого страха перед тем, как легко он снова пробивает её защитные барьеры. — Не нужно играть в благородство, Крис. Мы закрыли просмотр, наш макет приняли. На этом всё.

Крис посмотрел на нее долгим, тяжелым взглядом. Желваки на его скулах снова сжались, а в глубине карих глаз мелькнуло нечто ожесточенное и одновременно бесконечно уставшее.

— Ты во всем ищешь подвох, Громова, — тихо, почти шепотом сказал он, наклоняясь к ней так, чтобы их не слышали сокурсники. — Во всем видишь нападение или попытку тебя подчинить. Ты построила вокруг себя идеальный бункер, но в нем чертовски мало места для жизни.

— Зато в нем безопасно, — отрезала Майя. — В отличие от мира, где люди исчезают без предупреждения.

Слова снова вылетели мгновенно, раня обоих. Крис замер, словно его ударили под дых. Он не стал отвечать. Лишь медленно отступил на шаг, подхватил свою куртку и закинул рюкзак на плечо.

— Я найду на кафедру и заберу отзывы Самойлова, — холодно произнес он, окончательно закрывая свое лицо привычной маской равнодушия. — Встретимся в понедельник на лекции.

Он развернулся и быстро вышел из аудитории, не оборачиваясь.

Майя осталась сидеть за столом, глядя на собранный макет. Победа на промежуточном просмотре, которая должна была принести ей облегчение и радость, отозвалась внутри горьким, пепельным вкусом. Он снова ушел, а она снова осталась один на один со своими выверенными, безупречными и абсолютно холодными стенами.

Остаток дня прошел как в тумане. Майя механически отсидела оставшиеся пары, забрала из гардероба пальто и вышла из здания университета. На улице царил поздний осенний вечер. Холодный сырой ветер с реки заставлял прохожих кутаться в шарфы и ускорять шаг. Небо обложили тяжелые, свинцовые тучи, предвещавшие затяжной, проливной дождь.

Майя медленно шла по аллее сквера, погруженная в свои мысли. В голове по кругу прокручивались его слова: «Ты построила вокруг себя идеальный бункер...» Он был прав. Она действительно превратила свою жизнь в застегнутый на все пуговицы футляр. Но у нее не было другого выбора. Три года назад, когда Крис исчез, не оставив ничего, кроме тишины и заблокированного номера, ее мир рухнул. Ей потребовались месяцы, чтобы научиться снова дышать, спать и хоть чему-то доверять. И теперь его возвращение грозило снова превратить эту с трудом собранную жизнь в руины.

Она дошла до остановки, но вместо того чтобы сесть в подъехавший автобус, внезапно повернула в сторону старого городского архива. Ей нужно было отвлечься, перегрузить мозг работой. Для окончательной проработки проекта парка требовались дополнительные исторические справки по застройке левобережного района пятидесятых годов. Это была сугубо техническая задача, не требовавшая эмоций.

Здание архива находилось в тихо переулке, вдали от шумных городских магистралей. Старый трехэтажный особняк с облупившейся лепниной и высокими узкими окнами встретил ее скрипом тяжелой двери и гулкой, музейной тишиной.

Майя поднялась на второй этаж, прошла в читальный зал и подала бланк заказа дежурному архивариусу — пожилой женщине в шали.

— Левобережный район, промзона и прилегающие парковые территории, пятьдесят четвертый — шестидесятый года? — переспросила архивариус, разглядывая заявку сквозь очки-половинки. — Да, папки в наличии. Проходите к третьему столу, вам сейчас вынесут.

Майя прошла в угол зала, села за массивный дубовый стол, освещенный настольной лампой под зеленым стеклянным абажуром, и приготовила блокнот. Спустя пять минут перед ней легла толстая картонная папка с завязками, покрытая тонким слоем пыли.

Она развязала тесемки, погружаясь в сухие исторические документы, чертежи и пояснительные записки полувековой давности. Запах старой бумаги и тишина зала постепенно успокаивали. Майя перелистывала желтые страницы, делая выписки по уклонам и старым подземным коммуникациям.

Прошел час. Майя уже доходила до конца папки, когда между плотными листами строительных актов выскочила тонкая, сложенная вдвое газетная вырезка двадцатилетней давности. Она не относилась к технической части, а была, судя по всему, случайно подшита к делу.

Майя механически развернула пожелтевший листок, намереваясь отложить его в сторону, но ее взгляд зацепился за заголовок в разделе криминальной хроники: «Крупный скандал в строительном секторе: долги и банкротство компании "Белов-Инжиниринг"».

Сердце Майи пропустило ожесточенный удар, а затем заколотилось с удвоенной силой.

Она быстро пробежала глазами по строчкам мелкого газетного шрифта. Текст сообщал об успешной некогда фирме, оказавшейся на грани банкротства из-за крупных финансовых махинаций и огромных долгов перед сторонними кредиторами. В статье упоминалось имя владельца — Белова Виктора Сергеевича, отца Криса. А в самом низу, в последнем абзаце, содержалась короткая, сухая справка о том, что после скоропостижной смерти владельца все долговые обязательства и иск со стороны частных лиц перешли на его прямых наследников — сыновей Кристиана и Олега Беловых.

Майя сидела неподвижно, уставившись на пожелтевшую бумагу. Пальцы, сжимавшие край газетной вырезки, дрожали. В голове сокрушительным вихрем пронеслись воспоминания трехлетней давности. Последняя весна перед выпускным. Крис, который внезапно стал замкнутым и молчаливым. Он часто пропадал по вечерам, у него появились странные звонки, от которых он уходил разговаривать в другую комнату. А потом — тишина. Исчезновение.

«Если бы я остался тогда хоть на один день... всё стало бы только хуже. Для тебя в первую очередь», — его вчерашние слова в кафе прозвучали в ее памяти с новой, оглушительной гулкостью.

В этот момент за ее спиной раздался легкий шорох. Кто-то вошел в читальный зал и остановился у соседнего стеллажа с каталогами. Майя медленно повернула голову, удерживая в руках газетную вырезку.

В проходе между высокими книжными шкафами стоял молодой мужчина в темном пальто. Он был старше Криса лет на пять, но сходство было разительным: те же резкие черты лица, те же темно-карие глаза и та же затаенная, жесткая сдержанность в осанке.

Олег Белов, старший брат Криса.

Он держал в руках какую-то папку, но, заметив Майю и узнав ее, замер на месте. На его лице проскользнула сложная гамма эмоций — от глубокого удивления до мгновенно вспыхнувшего опасения. Он посмотрел на пожелтевший листок в ее руках, затем прямо ей в глаза, и тихо произнес:

— Громова? Что ты здесь делаешь?

Звук собственного имени, произнесенный голосом, так похожим на голос Криса, отозвался в ушах Майи оглушительным звоном. Она замерла у дубового стола, не в силах опустить газетную вырезку. В полумраке архива, под зеленым абажуром настольной лампы, фигура Олега казалась почти призрачной, выхваченной из прошлого, которое Майя так старательно пыталась зачеркнуть.

Олег Белов медленно сделал шаг вперед, переведя взгляд с лица девушки на пожелтевший листок бумаги в ее занемевших пальцах. Его губы сжались в тонкую, жесткую линию. Сходство братьев было поразительным — тот же разворот плеч, те же глубоко посаженные карие глаза, но на лице Олега отпечатались следы куда более долгих и изнурительных лет.

— Не думал, что встречу тебя здесь, — тихо произнес Олег, подходя к столу и опуская свою папку на край столешницы. Голос его звучал сухо, со скрытой настороженностью. — Да еще и за изучением нашей семейной истории.

Майя с трудом сглотнула, возвращая себе способность говорить. Она аккуратно положила газетную вырезку на раскрытое архивное дело и выпрямила спину, укрываясь за привычным ледяным спокойствием.

— Я искала исторические справки по левобережному району для учебного проекта, — проговорила она, стараясь, чтобы голос не дрожал. — Вырезка оказалась в папке случайно.

— В этом мире мало что происходит случайно, Майя, — Олег слегка накренил голову, внимательно разглядывая ее. — Крис говорил, что вы снова работаете вместе. На одном факультете.

Майя ощутила, как при упоминании Криса внутри снова закипает сложный коктейль из обиды, растерянности и вспыхнувшего с новой силой любопытства. Она посмотрела на вырезку, где черным по белому значилось название компании и сумма долга, казавшаяся астрономической.

— Это правда? — спросила она прямо, отказываясь от дипломатических экивоков. — То, что здесь написано? Про вашего отца, долги и то, что вам с Крисом пришлось всё это закрывать?

Олег молчал несколько секунд. Он оперся ладонями о край стола, вглядываясь в карие глаза Майи, словно взвешивал, имеет ли он право говорить. В читальном зале царила абсолютная тишина, нарушаемая лишь редким шелестом страниц, который доносился из дальнего угла, где сидела архивариус.

— Правда, — наконец ответил Олег, и в его тоне прозвучала старая, глубоко укоренившаяся усталость. — Только здесь написана едва ли десятая часть. Газетчики не знали и половины той грязи, в которой мы увязли после смерти отца. Нам достались не просто долги перед банками. Там были частные займы, люди с очень специфическими методами воздействия и без малейшего намека на терпение.

Воздух в груди Майи мгновенно стал плотным, тяжелым, словно его накачали свинцом. Картина прошлого, сложившаяся в ее голове за три года — картина банального предательства, трусости и побега — начала стремительно рушиться, покрываясь глубокими трещинами.

— Но почему он ничего не сказал? — вырвалось у нее. Голос прозвучал надломленно, теряя всю свою профессиональную строгость. — Почему просто ушел? Мы были вместе, Олег. Он мог довериться мне. Я бы поняла, я бы...

— Ты была семнадцатилетней девчонкой, Майя, — перебил ее Олег, и в его тоне не было злобы, только жестокая прагматичность человека, прошедшего через ад. — Семнадцатилетней девчонкой, у которой впереди были выпускные экзамены, поступить в университет и вся жизнь. А к нашему дому тогда каждые два дня приезжали машины, из которых выходили люди, не привыкшие разговаривать словами. Они давили на нас, угрожали, искали всё, что можно забрать или использовать как рычаг давления.

Олег наклонился ближе, опуская голос до шепота:

— Крис знал, что если они прознают про тебя, если поймут, как ты ему дорога, твоя жизнь превратится в мишень. Они не погнушались бы ничем, чтобы выбить из нас деньги. Он уехал не потому, что разлюбил тебя или испугался ответственности. Он уехал, чтобы увести их внимание за собой. Он оборвал все связи, сжег все мосты и исчез из города только для того, чтобы твоя фамилия нигде не всплыла рядом с нашей.

Майя сидела, не шевелясь. Каждое слово Олега падало в ее сознание, как тяжелый гранитный камень. В голове вспышками проносились детали их последнего месяца перед выпускным: вечная тревожность Криса, его постоянные отлучки, темные круги под глазами, то, как он нервно оглядывался на каждой улице, когда они гуляли вместе. Она тогда думала, что он просто устал от учебы или отдаляется от нее, теряя интерес.

А он в это время закрывал собой глухую, смертельно опасную брешь.

— Он не разрешал мне говорить с тобой, — продолжал Олег, выпрямляясь. — Он взял на себя половину долгов отца, работал на трех работах, переводился из одного вуза в другой, выбивал академические разницы и спал по четыре часа в сутки последние три года. Он до

последнего цента выплатил свою долю всего месяц назад. И первое, что он сделал, когда закрыл последний вексель — подал документы на перевод сюда. К тебе.

Майя закрыла лицо руками, пряча вспыхнувшие щеки и подступающие к глазам горячие слезы. Внутри нее бушевал настоящий шторм. Вся ее защита, все ее сухие правила, ее гордость, ее искренняя, выпестованная ненависть — всё это в одно мгновение превратилось в прах. Он не предавал ее. Он не бросал ее ради легкой жизни. Он жертвовал всем, что у него было, проходя через ад в одиночку, лишь бы сохранить её мир в целостности и сохранности.

«Не влюбляйся в него снова», — всплыла в памяти ее собственная вчерашняя запись. Каким глупым, какими слепым и ничтожным казалось теперь это правило. Она сидела в своем стерильном бункере, гордясь своей неприступностью, в то время как человек, которого она проклинала каждую ночь, держал на своих плечах падающий небосвод.

— Он никогда сам тебе этого не расскажет, — тихо добавил Олег, собирая свои документы со стола. — Крис слишком гордый и слишком сильно боится выглядеть в твоих глазах жертвой. Он считает, что если вывалит на тебя эту историю, то просто переложит свой груз на твои плечи. Но я вижу, как вы мучаете друг друга в этом университете. Он вернулся за тобой, Майя. Но он никогда не сделает шаг первым, если будет видеть, что ты до сих пор смотришь на него как на врага.

Олег взялся за папку, бросил на нее последний длинный взгляд и развернулся, направляясь к выходу из читального зала. Его шаги стихли за тяжелой дубовой дверью.

Майя осталась сидеть в гордом одиночестве. Лампа под зеленым абажуром бросала мягкий свет на пожелтевшую газетную вырезку, но чертежи и схемы пятидесятых годов больше не имели для нее никакого значения. Все цифры, масштабные сетки и градостроительные нормы меркли перед той огромной, оглушительной правдой, которая только что обрушилась на нее.

Она поднялась из-за стола, с трудом попадая руками в рукава пальто. Пальцы дрожали так сильно, что застегнуть пуговицы удалось лишь с третьей попытки. Сложив блокнот в портфель, Майя быстро прошла к выходу, даже не попрощавшись с архивариусом.

Когда она выбежала на крыльцо архива, осенний вечер уже окончательно вступил в свои права. Дождь, подбираемый порывами холодного ветра, лил стеной, превращая улицы в сплошной поток мокрого асфальта и размытых огней. Капли мгновенно обрушились на ее лицо, смешиваясь с катящимися по щекам слезами, но Майя даже не замедлила шаг.

Она шла по мокрому тротуару, не разбирая дороги, ощущая, как в груди разрывается тугой узел, сдавливавший ее сердце последние три года. В голове блуждала только одна-единственная, четкая и непреклонная мысль: ей нужно увидеть его. Прямо сейчас. Не завтра на лекции, не в понедельник за рабочим столом, а сию секунду.

Она должна посмотреть ему в глаза и заставить его сказать правду. Она больше не позволит ему прятаться за стенами молчания и мнимого равнодушия.

Майя свернула в переулок, выходя к остановке, чтобы поймать такси. Телефон в ее кармане судорожно завибрировал. Она вытащила его мокрыми пальцами, глядя на вспыхнувший экран. На дисплее высветился неизвестный номер, но сердце инстинктивно подсказало, кто это.

Она нагнулась под навес остановки, сглатывая подступающий к горлу ком, и нажала на кнопку ответа.

— Майя? — раздался в динамике низкий, слегка хриловатый голос Криса. На заднем плане слышался шум дождя и гул машин. — Ты еще в университете? Самойлов только что прислал правки по нашему макету, нужно срочно...

— Где ты? — перебила его Майя. Голос ее прозвучал громче, чем она планировала, срываясь на эмоциональный, рваный фальцет.

На том конце провода образовалась пауза. Шум дождя в динамике стал отчетливее.

— Я у съемной квартиры на Серпуховской, — медленно, с нарастающим недоумением ответил Крис. — Майя, что произошло? У тебя странный голос. Ты где?

— Назови адрес, — потребовала она, сжимая телефон обеими руками, чтобы скрыть дрожь. — Назови мне точный номер дома и квартиры, Крис. Я еду к тебе.

В трубке снова повисла тяжелая, натянутая тишина. Крис явно не ожидал такого порыва, его привычная система контроля и дистанции давала сбой.

— Майя, не надо, — тихо произнес он, и в его тоне проскользнула та самая затаенная тревога, которую она теперь понимала до последнего оттенка. — Уже поздно, на улице ливень. Мы можем обсудить всё завтра на кафедре.

— Нет, не можем! — выкрикнула Майя, не обращая внимания на удивленные взгляды людей, стоявших на остановке. — Мы не можем обсудить это завтра на кафедре! Хватит прятаться за чертежами, Белов! Назови мне адрес, или я найду его через Олега!

После упоминания имени брата Крис выдохнул коротко, тяжело, словно из него выбили весь воздух. Он понял, что платина рухнула, и скрывать больше нечего.

— Серпуховская, двенадцать, квартира тридцать четыре, — тихо выговорил он. — Третий этаж.

Майя сбросила звонок, даже не попрощавшись. В этот же момент к тротуару притормозила машина такси с желтым шашечным гребнем. Девушка подбежала к автомобилю, дернула на себя дверцу и прыгнула на заднее сиденье, тяжело дыша.

— Серпуховская, двенадцать, — бросила она водителю, прижимаясь лбом к ледяному, покрытому каплями стеклу.

Машина тронулась с места, разрезая ночную тьму и унося её к старому пятиэтажному дому на рабочей окраине. Внутри Майи всё горело. Тот идеальный, выверенный мир, который она строила из линейных ограничений и прагматизма, окончательно рассыпался, уступая место чистой, неукротимой стихии, которую она больше не собиралась контролировать.

Через пятнадцать минут такси затормозило во дворах у темно-серого дома с облупившейся штукатуркой. Майя выскочила из машины, даже не дождавшись сдачи, и бросилась к третьему подъезду. Вымокшее под проливным дождем пальто тяжелело с каждым шагом, но она не замечала холода.

Она взлетела по крутой, плохо освещенной лестнице на третий этаж, пробежала по узкому коридору и остановилась перед старой дерматиновой дверью с цифрой «34».

Сердце колотилось в груди с такой силой, что отдавало в ушах глухими ударами. Майя подняла руку и, не давая себе времени на сомнения или подбор правильных фраз, настойчиво и громко постучала в металлическую панель.

За дверью послышались тяжелые, неторопливые шаги. Щелкнул засов, поворачиваясь в замке, и створка медленно отворилась внутрь.

Крис стоял на пороге в полумраке прихожей. Он успел сменить мокрую уличную одежду на домашние серые спортивные штаны и темную футболку. Его волосы были взъерошены, а в карих глазах застыла смесь сурового ожидания, глубокой боли и неподдельного страха перед тем, что должно было произойти сейчас в этой маленькой съемной квартире.

Он посмотрел на ее насквозь промокшую фигуру, на дрожащие губы и капли воды, стекавшие с ресниц, и медленно сделал шаг назад, освобождая проход.

Майя переступила порог, и дверь за ее спиной закрылась с глухим, окончательным щелчком.

Майя стояла в тесной прихожей съемной квартиры, ощущая, как с полулы ее мокрого пальто на старый линолеум стекают тяжелые, частые капли. Воздух в помещении был пропитан запахом сухой штукатурки, остывшего чая и того самого знакомого, горьковатого аромата, который всегда ассоциировался у нее с Крисом. Она смотрела на него, тяжело дыша, и не могла

вымолвить ни слова. Все жесткие, обвинительные фразы, которые она репетировала в такси, мгновенно выветрились из головы при виде его уставшего, напряженного лица.

Крис молча шагнул ближе, забрал у нее тяжело вымокшее пальто и повесил его на единственный металлический крючок у двери. Он действовал медленно, аккуратно, словно пытался выиграть пару секунд перед неизбежным взрывом.

— Ты насквозь промокла, — тихо произнес он, не подступая слишком близко. — Пройди в комнату. Я поставлю чайник.

— Мне не нужен чай, Крис, — выговорила Майя, и голос ее прозвучал глухо, почти беззвучно. Она проигнорировала его приглашение пройти и осталась стоять прямо на пороге, судорожно сжимая ремень своего портфеля. — Я встретила Олега. В архиве.

Крис замер. Он медленно опустил руки, а его широкие плечи едва заметно напряглись под тонкой тканью футболки. Он не стал задавать вопросов, не пробовал деланно удивляться или отворачиваться. Он просто закрыл глаза на короткое мгновение, выдохнул сквозь сжатые зубы и снова посмотрел на нее. В его темно-карих глазах больше не было прежней ледяной брони — лишь бездонная, ничем не прикрытая усталость человека, чью самую главную тайну только что бесцеремонно вытащили на свет.

— Олег не должен был ничего тебе говорить, — произнес он очень тихо, но в этой тишине проскользнула такая глухая, тяжелая горечь, что у Майи снова сжалось сердце.

— Он и не хотел, — Майя сделала шаг вперед, сокращая расстояние между ними до полуметра. Она снизу вверх всматривалась в его строгое лицо, замечая глубокую тень у переносицы и едва заметный шрам на правой руке, сжатой в кулак. — Я сама нашла вырезку в архивной папке. Про твоего отца. Про «Белов-Инжиниринг». Про миллионные долги и людей, которые стояли у вашего дома... Он просто подтвердил то, что я прочитала.

Крис молчал. Он смотрел куда-то в сторону, на облупившийся косяк двери, и желваки на его скулах отчаянно ходили ходуном.

— Почему? — вырвалось у Майи. Это короткое слово прорезало тишину квартиры, как острый резак. — Почему ты молчал три года, Крис? Почему ты позволил мне думать, что я была для тебя просто ошибкой, развлечением перед выпускным, чем-то, что можно легко выбросить из жизни и забыть? Ты хоть понимаешь, через какой ад я прошла, пытаюсь собрать себя заново?

Крис резко перевел на нее взгляд, и в его карих глазах впервые за все эти дни вспыхнул дикий, неуправляемый огонь. Он шагнул к ней вплотную, вынуждая ее закинуть голову.

— А ты понимаешь, через какой ад проходил я? — выговорил он сквозь зубы, сдерживая рвущийся наружу рык. — Ты думаешь, мне было легко собраться и уехать за одну ночь? Думаешь, я хотел бросить все, бросить тебя? Майя, у нашего дома дежурили люди, для которых человеческая жизнь ничего не стоила! Они открыто сказали мне и Олегу, что если мы не отдадим долги отца, они найдут самый простой способ надавить. Они знали про тебя. Знали, где ты живешь, в какую школу ходишь и по каким переулкам возвращаешься домой после черчения!

Майя замерла, переставая дышать. Слова Криса падали на нее, словно гранитные плиты.

— У меня не было выбора! — продолжал он, и его голос слегка дрогнул, обнажая глубокую, рваную рану. — Я мог рассказать тебе всё, испугать тебя до полусмерти, втянуть в этот кошмар и рисковать твоей безопасностью каждый божий день. Или я мог забрать все эти долги на себя, оборвать все концы, сделать так, чтобы про тебя забули, и уехать. Я выбрал второй вариант. Я сжег все мосты, лишь бы ты была в безопасности. Лишь бы ты спокойно поступила в университет, училась, чертила свои идеальные схемы и жила нормальной жизнью!

— Ты решил за нас двоих, — с болью выговорила Майя, чувствуя, как по щекам снова катятся горячие слезы, смывая остатки ее прагматичной защиты. — Ты не доверился мне. Ты просто запер меня в этой неизвестности, дав мне ненавидеть тебя три года!

— Да! — выкрикнул Крис, и его пальцы невольно впились в ее плечи, сжимая плотную ткань свитера. Он сжимал ее так, словно боялся, что она исчезнет прямо сейчас. — Я хотел, чтобы ты меня ненавидела! Потому что ненавидеть проще, чем ждать того, кто может никогда не вернуться. Ненавидеть — значит жить дальше, строить стены, учиться защищаться. Я сделал всё, чтобы ты стала сильной, Майя. Пусть даже для этого мне пришлось стать в твоих глазах предателем.

Он тяжело дышал, стоя в сантиметре от ее лица. Его ладони на ее плечах горели словно огнем, а глаза всматривались в ее заплаканное лицо с такой нечеловеческой нежностью и болью, что у Майи подкосились ноги.

Вся ее строгая, логичная система выживания, все ее правила, сарказм и возведенные вокруг сердца границы рухнули в одну секунду. Пред ней стоял не холодный чужак с соседнего подрамника и не предатель из прошлого. Перед ней был Крис — её Крис, который пронес через три года ада свою любовь и спасительную гиперопеку, не требуя ничего взамен.

— Ты дурак, Белов, — прошептала она, накрывая своими ладонями его сухие, дрожащие пальцы на своих плечах. — Какой же ты глупый...

Крис замер, словно не веря её словам. Он медленно ослабил хватку, но руки не убрал. Его пальцы плавно скользнули вверх по ее шее, бережно касаясь подбородка и приподнимая ее лицо.

— Я выплата всё до последнего рубля, Майя, — тихо, почти беззвучно выдохнул он, и его губы оказались в каких-то миллиметрах от ее губ. — Я вернулся только потому, что больше не было причин держиться подальше. Я вернулся к тебе.

Майя затаила дыхание, ощущая теплую волну его дыхания на своей коже, и в этот момент Крис медленно наклонился еще ближе, стирая остатки разделявшего их пространства.

Глава 3. Эхо прошлого

Ночь выпускного бала три года назад осталась в памяти Майи не пышным праздничным весельем и не звуками музыки, вальсировавшей по школьному актовому залу, а оглушительным, сырым холодом старого деревянного пирса. Это место на окраине города, где река замедляла свое течение и широким руслом уходила в сторону темного леса, всегда было их личным укрытием. Здесь, на покосившихся досках, омываемых черной, тяжелой водой, они с Крисом проводили долгие летние вечера, споря о будущих проектах, чертя прямо на песке планы их идеального дома и придумывая мечты, которым не суждено было сбыться.

Майя помнила каждую деталь того вечера до физической боли. На ней было легкое белое платье, выбранное вместе с мамой после долгих поисков, и тяжелый оверсайз-пиджак Криса, который он накинул ей на плечи еще у школы, когда с реки потянул резкий вечерний ветер. Ткань пиджака хранила запах его одеколона, смешанный с ароматом свежескошенной травы и табачным дымом. Он обещал отойти буквально на двадцать минут — решить какой-то неожиданно возникший вопрос с документами у директора — и вернуться обратно на пирс, чтобы встретить вместе рассвет.

Время шло. Градус ночного воздуха стремительно падал. Тонкая ткань платья не спасала от сырости, проникавшей под кожу, но Майя сидела на самом краю пирса, подожав под себя ноги, и упорно смотрела на темную тропинку, ведущую сквозь прибрежные ивы к городской дороге. Миновал час, затем второй. Праздничный шум из ресторана на той стороне парка постепенно затих, уступая место глухому предрассветному шуршанию камыша.

Она доставала телефон каждые три минуты. Экран вспыхивал слепящим синим светом, выхватив из темноты ее замерзшие пальцы, но короткие гудки в динамике сменялись лишь монотонным автоответчиком: «Абонент находится вне зоны действия сети». Майя убеждала себя, что это глупая случайность. Наверняка разрядился аккумулятор, застряла машина, возникли срочные семейные дела. Он не мог просто так не прийти. Крис Белов никогда не нарушал своих обещаний, особенно тех, что давал ей.

Когда над горизонтом проступила первая, бледная полоса серого рассвета, телефон в ее руках наконец коротко и сухо вибрировал. Майя вздрогнула, выпрямилась и с замирающим сердцем открыла входящее сообщение.

Текст состоял всего из нескольких слов, отпечатанных ровным, бездушным шрифтом: «Не жди меня. Я уезжаю из города. Не ищи и не звони больше. Забудь всё, что было».

Слова не сразу сложились в смысл. Майя перечитывала их снова и снова, ощущая, как внутри нее что-то с тихим, окончательным хрустом рушится, оставляя вместо привычного тепла гулкую, ледяную пустоту. Она перезвонила мгновенно, но автоответчик уже механически чеканил, что данный номер не обслуживается. Он не просто ушел — он заблокировал ее, обнулil все три года их отношений, превратив все слова, касания, планы и обещания в бессмысленный пыль.

Именно в то рассветное утро на мокром пирсе родилась та новая Майя Громова, которую теперь знали в университете. Девушка, которая поднялась с деревянных досок, сняла с плеч чужой пиджак, аккуратно сложила его и оставила на краю настила. Она пошла домой одна по пустому городу, дав себе зарок никогда больше не быть слабой, никогда ни от кого не зависеть и запереть свое сердце за железобетонными стенами сухой логики, чертежей и жесткого контроля.

Воспоминание рассеялось так же резко, как и нахлынуло, вытолкнув Майю обратно в реальность тесной прихожей съемной квартиры Криса.

Прошлое и настоящее столкнулись в этой точке с разрушительной силой. Майя стояла перед ним, тяжело дыша, и смотрела в его глаза, где смешались старая боль, невысказанное

раскаяние и та самая глубокая, сжигающая нежность, которую он пытался прятать три года. Расстояние между ними было стираемо. Он наклонился чуть ближе, и его губы остановились в каких-то микроскопических долях миллиметра от ее губ, даря коже обжигающее тепло его дыхания.

Майя замерла. Все ее защитные барьеры, выстраиваемые годами, рушились, как сложенный из сухих веток настил под натиском штормовой волны. Ей безумно хотелось сделать этот последний, крошечный шаг, закрыть глаза, уткнуться носом в его шею и сбросить с себя всю ту тяжесть, которую она несла на себе три года. Он был здесь. Он не предавал её. Он ломал собственную жизнь ради её безопасности.

Но где-то в самой глубине сознания, на самом дне ее выверенной, рациональной сущности, зажегся ослепительно-красный сигнальный огонь.

Страх. Древний, липкий, вьевшийся в кости страх снова оказаться той беспомощной семнадцатилетней девчонкой с мокрого пирса. Он снова был рядом, снова решал всё сам, снова входил в ее жизнь со своей сложной, опасной тайной, не оставляя ей выбора. Что, если это лишь очередная иллюзия? Что, если его прошлое, закрытое миллионными долгами и тяжелыми компромиссами, снова настигнет их и заставит его исчезнуть опять?

Рука Майи, лежавшая на его сухом запястье, резко дернулась.

Она не оттолкнула его грубо, но этот невольный, испуганный жест подействовал на Криса как ушат ледяной воды. Он замер. Его карие глаза расширились, фиксируя ту секунду неопределенности и вспыхнувшего в ее взгляде ужаса, которая пробежала между ними.

Крис не стал настаивать. Он медленно, с явным усилием над собой, отступил на полшага назад, разрывая опасную близость, хотя его пальцы еще секунду задержались на ее подбородке, прежде чем окончательно соскользнуть вниз.

— Извини, — тихо, очень низко произнес он, и в его голосе проскользнула та самая жесткая, сдержанная автономия, к которой он привык за годы одиночества. — Я не должен был.

Майя судорожно вздохнула, прижимая ладонь к груди, где сердце колотилось как безумное. Воздух в прихожей казался густым и тяжелым, напитанным недосказанностью и нерас-траченными эмоциями.

— Я... мне нужно идти, — выговорила она, с трудом узнавая собственный голос. Он звучал ломко и глухо. — У меня... чертежи. И Самойлов.

— Дождь еще не кончился, — Крис посмотрел на окно в конце коридора, по которому барабанили тяжелые капли. Он выглядел абсолютно собранным внешне, но мышца на его скуле ходила ходуном. — Я вызову тебе такси.

— Не надо, — отрезала Майя, подхватывая свой портфель с пола и сжимая его ручку до побеления суставов. — Я сама. Я доеду сама, Крис.

Она повернулась к двери, нащупала мокрыми пальцами холодную ручку замка и потянула ее на себя. Прохладный, сырой воздух подъезда мгновенно ворвался в прихожую, принося с собой запах старой штукатурки и мокрого бетона.

Майя шагнула на лестничную площадку, но перед тем как сделать шаг вниз по ступеням, на секунду обернулась. Крис стоял в дверном проеме, высокий, темный, освещенный лишь тусклым желтым светом из коридора. Он смотрел на нее с той же непостижимой, давящей тяжестью, которая раньше пугала ее, а теперь разрывала сердце на части.

— Мы увидимся в университете, — произнесла она, заставляя себя выстроить хотя бы видимость прежней дистанции. — Проект нужно сдать в срок.

Крис слегка наклонил голову, но ничего не ответил. Он лишь молча проводил ее взглядом, пока она быстро спускалась по лестнице, не оглядываясь больше.

Выскочив из подъезда под проливной осенний дождь, Майя побежала к проезжей части. Ледяные капли обжигали лицо, но они помогали прийти в себя, остужая горящие щеки. В

голове стоял сплошной шум. Все ее прошлые убеждения рухнули, но построить новые на их месте за один вечер было невозможно. Он спасал ее. Он нес этот крест три года в одиночку. Но как теперь научиться верить человеку, который однажды уже перечеркнул весь ее мир за одну ночь?

Она поймала попутную машину, называла свой адрес и опустилась на заднее сиденье. Дорога до дома прошла как в полусне. Проплывающие за окном огни ночного города превращались в длинные, размытые полосы.

Оказавшись в своей маленькой, безупречно чистой квартире, Майя не стала включать свет. Она скинула мокрое пальто прямо на паркет в прихожей, прошла в комнату и опустилась на стул перед рабочим столом. В полумраке перед ней лежал открытый блокнот с той самой записью: «Правило первое: Не влюбляйся в него снова».

Майя смотрела на эту строчку, вжимая пальцы в край столешницы. Правило казалось теперь глупой, наивной детской строчкой. Она не могла запретить себе чувствовать. Она никогда не переставала его любить — просто эти три года затапливала свою любовь на самое дно, маскируя ее под сухую ненависть и профессиональный прагматизм.

В этот момент ее телефон, лежавший в кармане куртки, коротко пиликнул.

Майя достала аппарат, с замиранием сердца глядя на экран. Сообщение было от Кати из их студенческого чата. Подруга сбросила срочное объявление от деканата: завтрашний обход комиссией переносится на десять утра, и всем парам необходимо быть на факультете в полной готовности с финальными планшетами и макетами.

Майя выдохнула, закрыла глаза и прижала холодные ладони к лицу. Времени на личные метания не оставалось совсем. Завтра им предстоит встать бок о бок перед комиссией Самойлова, защищать свой общий проект и делать вид, что между ними ничего не произошло.

Она поднялась, включила настольную лампу и разложила на столе чистый лист ватмана. Нужно было заново перечертить несколько узлов с учетом свежих замечаний. Пальцы взяли изограф, стержень коснулся бумаги, оставляя четкую черную линию. Работа возвращала привычную структуру, но где-то на самом краю сознания Майя отчетливо понимала: завтрашний день в университете изменит всё, и вернуться к прежней безопасной жизни ей уже точно не удастся.

Всю ночь над рабочим столом Майи горела настольная лампа, выхватывая из полумрака комнаты идеальную геометрию ватмана. Карандаш скользил по бумаге, вырисовывая аккуратные линии инженерных сетей, но мысленно она находилась совсем в другом месте. В памяти снова и снова прокручивались события той злополучной ночи выпускного бала, когда ее привычный мир разлетелся на куски от одной-единственной короткой строчки на экране телефона.

Тогда, три года назад, стоя на промозглом пирсе, она перечитывала входящее сообщение сотни раз. Экран смартфона слепил глаза в предрассветных сумерках, а слова «Не ищи меня больше» жгли душу словно раскаленное железо. Это было не просто расставание. Это было тотальное, беспощадное предательство, заставившее семнадцатилетнюю девчонку поверить в собственную ненужность. Майя помнила, как бросила тот телефон в воду, как смотрела, как он погружается на дно реки, забрасывая илом все их совместные фотографии, переписки и нереализованные планы.

Именно тогда внутри нее зародился этот отчаянный прагматизм. Она поклялась себе больше никогда не быть уязвимой. Никаких чувств, никаких спонтанных порывов, никакой зависимости от чужих решений. Лишь четкие графики, проверенные временем алгоритмы и железобетонный самоконтроль.

И вот теперь, спустя три года, вся ее выверенная система давала сбой.

Слова Олега в архиве и признания самого Криса в его маленькой съемной квартире стояли перед глазами. Он не бросал ее ради другой жизни. Он не предавал их любовь. Он просто закрыл ее собой от реальной, смертельной опасности, приняв на свои юные плечи огромный

груз чужих долгов. Он спасал ее, выбрав самый жестокий вариант — заставить её возненавидеть его, чтобы она могла спокойно жить и учиться дальше.

Майя отложила рапидограф и прижала занемевшие пальцы к вискам. В груди бушевал настоящий шторм. С одной стороны, старая обида, въевшаяся в кости за эти годы, требовала сохранять дистанцию. С другой — осознание той нечеловеческой жертвы, которую Крис принес ради нее, разрывала сердце на части. Он вернулся. Он был здесь, совсем рядом, вымотанный, уставший, но все с тем же нерушимым намерением защищать ее до последнего.

Когда за окном затеплился серый осенний рассвет, Майя так и не сомкнула глаз. Она собрала обновленные чертежи, аккуратно уложила их в тубус и приготовила жесткий черный кофе. Зеркало в прихожей отразило бледное лицо с залегающими под глазами тенями, но взгляд карих глаз стал иным. В нем больше не было сухой, колкой ненависти. Там застыло растерянное, почти пугающее своей глубиной понимание.

В университет она пришла за полчаса до начала графического обхода. В коридорах факультета стояла редкая утренняя тишина, лишь лаборанты изредка проносили в аудитории свежие рулоны кальки. Майя поднялась на третий этаж, прошла к их привычному подрамнику у окна и начала разкладывать чертежи.

Крис появился ровно в девять сорок пять. Он выглядел ничуть не лучше ее: темные тени под глазами, взъерошенные волосы и та же предельная сдержанность в движениях. Он скинул тяжелый рюкзак на пол, молча достал из папки свои листы с техническими выкладками и разложил их рядом с ее графикой.

— Доброе утро, Громова, — произнес он тем самым низким, глуховатым голосом, от которого у Майи по спине снова пробежали мурашки.

— Доброе утро, — тихо отозвалась она, не глядя на него, но ощущая его присутствие каждой клеткой тела.

Они не стали обсуждать то, что произошло вчера вечером. Ни слова о ливне, ни слова об Олеге, ни слова о том неудавшемся, оборванном поцелуе в тесной прихожей. Но атмосфера между ними изменилась бесповоротно. Напряжение никуда не исчезло, но из него ушел яд. Теперь это была молчаливая, затаенная буря двух людей, которые знают друг о друге слишком много, но пока не понимают, как им жить с этой огромной, оглушительной правдой.

В десять утра в аудиторию вошел профессор Самойлов в сопровождении комиссии. Напряжение среди студентов достигло пика. Преподаватели медленно двигались вдоль подрамников, пристально разглядывая представленные планшеты, задавая въедливые вопросы и делая пометки в своих журналах.

Когда комиссия остановилась у стола Майи и Криса, Самойлов долго и молча изучал доработанную концепцию ревитализации парковой зоны. Он переводил взгляд с графических разрезов Майи на объемные модели и схемы пешеходных потоков, начерченные рукой Криса.

— Что ж, коллеги, — наконец произнес профессор, и в его сухом голосе прозвучали редкие нотки искреннего одобрения. — Это, пожалуй, лучшая проработка рельефа на всем потоке. Вы смогли связать сложный инженерный конструктив с пластичной, живой архитектурной формой. Чувствуется, что работала единая команда, где каждый понимает задачу с полуслова.

Майя невольно бросила короткий взгляд на Криса. Он стоял рядом, выпрямив спину, и смотрел на планшет с привычным холодным спокойствием. Но его пальцы, сжимавшие край деревянного подрамника, на секунду едва заметно расслабились.

— Мы рекомендуем ваш проект к участию в финальном этапе отбора на муниципальный грант, — добавил второй член комиссии, ставя размашистую подпись на титульном листе их папки. — Готовьтесь к открытой защите через две недели. Там требования будут еще жестче.

Когда комиссия переместилась дальше, по аудитории пронесся тихий вздох облегчения. Катя, сидевшая за соседним столом, радостно показала Майе большой палец, но Громова лишь коротко кивнула в ответ.

Майя начала молча собирать инструменты, укладывая рапидографы и линейки в пенал. Крис помогал ей сворачивать дополнительные рабочие кальки. Их пальцы снова случайно соприкоснулись на крае бумага, и оба на мгновение замерли, ощутив ту самую обжигающую искру.

— Защита через две недели, — тихо произнес Крис, опустив взгляд на ее тонкие ладони. — Нам придется проводить в мастерской еще больше времени.

— Я знаю, — ответила Майя, подняв на него свои карие глаза. Впервые за все эти дни она выдержала его взгляд без попытки закрыться или отпустить колкую реплику. — Нам нужно проработать детали макета. И... сделать всё идеально.

Крис слегка нахмурился, словно пытался разглядеть в её лице перемены, а затем медленно, с глубокой затаенной нежностью произнес:

— Мы сделаем, Майя. Я обещал.

Они вышли из университета вместе, когда осеннее солнце на пару минут пробилось сквозь тяжелые тучи, заставив мокрый асфальт искриться тысячами мелких бликов. Прохладный ветер доносил с реки запах прелой листвы и свежести.

Они шли по центральной аллее сквера, сохраняя молчаливую дистанцию в полшага, но эта тишина больше не давила на плечи. Это была тишина перемирия, хрупкого и негласного, построенного на руинах прошлых обид и новообретенном понимании.

У самых ворот сквера Крис остановился и повернулся к ней:

— Мне нужно заехать в архив на левом берегу. Олег передал кое-какие старые чертежи по набережной, они могут пригодиться для детализации фасадной части павильона.

При упоминании имени его брата Майя слегка вздрогнула, но быстро взяла себя в руки.

— Я могу поехать с тобой, — неожиданно для самой себя предложила она. — Помогу разобрать материалы, чтобы не терять время.

Крис посмотрел на нее с удивлением, но в его карих глазах на секунду вспыхнул теплый, живой огонек. Он уже открыл рот, чтобы ответить, как вдруг телефон в его кармане резко и настойчиво зазвонил.

Крис достал аппарат, взглянул на экран, и его лицо мгновенно изменилось. Пропала та хрупкая мягкость, которая только что проступала в его чертах, а желваки на скулах снова напряглись до побеления. Он отступил на пару шагов в сторону и смахнул клавишу ответа.

— Да, — отрывисто и сухо выговорил он в динамик.

Майя наблюдала за тем, как с каждым словом невидимого собеседника Крис все больше мрачнеет. Он не произносил почти ничего, лишь коротко хмыкал и сжимал левую руку в кулак так, что ногти въедались в ладонь.

— Я понял, — наконец произнес он глухим, не терпящим возражений тоном. — Я буду через тридцать минут. Не трогайте документы.

Он сбросил звонок, убрал телефон в карман куртки и повернулся к Майе. Его взгляд снова стал непроницаемым, а в осанке появилась та самая жесткая, защитная собранность, которая всегда появлялась у него в моменты опасности.

— План меняется, Громова, — произнес он ровным голосом, но Майя отчетливо уловила в его тоне проскользнувшую тревожную ноту. — В архив я поеду один. Тебе лучше вернуться домой и заняться 3D-моделью.

Майя сделала шаг к нему, мгновенно ощутив, как внутри поднимается волна неосознанного страха.

— Что произошло, Крис? Кто звонил? — спросила она, внимательно всматриваясь в его строгое лицо.

— Ничего страшного, обычные рабочие накладки по старым делам Олега, — попытался успокоить ее Крис, но его глаза выдавали обратное. Он шагнул к ней, на секунду задержал руку у её плеча, так и не решившись коснуться, и добавил: — Пожалуйста, Майя. Сделай, как я прошу. Иди домой. Я позвоню, как только освобожусь.

Он развернулся и быстрыми, широкими шагами направился к остановке такси, даже не оборачиваясь. Майя осталась стоять у ворот сквера, провожая его спину тревожным, тяжелым взглядом, ощущая, как едва установившийся в ее душе порядок снова начинает рушиться под напором возвращающихся теней прошлого.

Майя осталась стоять у резных ворот сквера, провожая взглядом удаляющуюся фигуру Криса, пока он не свернул за угол проспекта и не растворился в потоке прохожих. Тревожный тон его последнего телефонного разговора плотной пеленой осел у нее на душе. Он ушел слишком быстро, слишком привычно укрывшись за непроницаемой фасадом, едва на горизонте возникли тени старых проблем. Но на этот раз Майя больше не намерена была слепо подчиняться его указаниям и ждать в неведении, пока за ее спиной принимаются решения.

Она сжала ремень тубуса и решительным шагом направилась к остановке, чтобы доехать до своей съемной квартиры. Ей нужно было остыть, собраться с мыслями и приготовить рабочее место для ночного штурма 3D-модели. Если Крис решает вопросы с прошлым, то она берет на себя гарантию их общего настоящего — проекта, который должен выиграть грант.

Осенний вечер быстро накрывал город синими сумерками. В квартире царила прохлада. Майя скинула ботинки, не зажигая главного света, прошла на кухню и поставила на плиту металлический турку. Пока вода закипала, она открыла ноутбук, загрузила графический редактор и принялась выстраивать трехмерный каркас паркового павильона. Пальцы быстро бегали по клавишам, задавая параметры высот, уклоны кровельных панелей и точные привязки к несущим опорам.

Работа затягивала, на время вытесняя липкий страх из головы. К одиннадцати вечера на экране компьютера красовалась сложная трехмерная сетка, в которой угадывалась гибкая, пластичная форма будущего сооружения. Майя сверяла каждую деталь с эскизами Криса, невольно ловя себя на том, что думает о нем без прежнего яда. Теперь за каждой его строчкой на кальке и за каждым резким движением она видела не предательство, а тяжелую цену, которую ему пришлось заплатить за её покой.

Тишину комнаты нарушил резкий звонок в дверь.

Майя вздрогнула, выронив из рук карандаш. Он скатился со стола и с сухим стуком упал на паркет. Часы на стене показывали почти половину двенадцатого. В такое время к ней никто не приходил. Сердце инстинктивно заколотилось в ускоренном ритме. В голове мгновенно вспыхнули слова Олега о людях из прошлого Криса, о машинах у дома и неоплаченных долгах.

Она медленно поднялась со стула, прошла в темную прихожую и прижалась ухом к прохладному дереву двери, не спеша включать свет.

— Майя, это я, открывай, — раздался за дверью знакомый, слегка запыхавшийся голос Кати.

Майя глубоко выдохнула, сбрасывая нахлынувшее оцепенение, и повернула тяжелый засов. На пороге стояла подруга с полным пакетом из круглосуточного супермаркета и свернутым в рулон большим листом кальки под мышкой.

— Ты с ума сошла — ходить по темным квартирам? — проворчала Катя, без церемоний шагнуть внутрь и сбрасывая мокрые кроссовки. — Я видела, что у тебя окно горит с улицы. Подумала, что ты, как всегда, не спишь и чертишь в одиночестве. Принесла нам нормального заварного чая и кое-что к нему, а то ты на факультете уже прозрачная стала.

Майя благодарно улыбнулась, закрывая дверь на замок. Приход Кати оказался удивительно своевременным спасением от разъедающих мыслей, которые грозили накрыть ее с головой в пустой квартире.

Они прошли на маленькую кухню. Катя быстро хозяйничала у плиты, разливая горячий чай по кружкам, пока Майя разбирала наброски на столе. Атмосфера в комнате постепенно потеплела, наполняясь ароматом чабреца и выпечки.

— Слушай, Громова, — Катя оперлась локтями о стол и внимательно посмотрела на подругу сквозь пар, поднимающийся от кружки. — Я сегодня видела, как Самойлов с вами разговаривал. И как Белов на тебя смотрит, когда ты не видишь. Вы ведь не просто сокурсники из прошлой школы, да? Между вами тяжелая история?

Майя замерла с кружкой в руках. Ей всегда было трудно делиться личным, но за эти три года она привыкла нести все в себе, и эта тяжесть постепенно становилась невыносимой. К тому же Катя была одной из немногих, кто искренне переживал за нее все эти курсы.

— Он исчез в ночь после выпускного, — тихо, почти без выраженных эмоций проговорила Майя, глядя на темный чай в кружке. — Ничего не сказав. Просто прислал СМС с просьбой забить и не искать. А три дня назад появился на нашей кафедре как ни в чем не бывало.

Катя тихо ахнула, прикрыв рот ладонью:

— Вот же... А ты столько времени молчала! И как ты вообще с ним за одним подрамником сидишь? Я бы на твоём месте этот изограф ему в планшет всадила в первый же день!

— Я тоже так думала, — Майя горько усмехнулась, опустив плечи. — Я ненавидела его три года. Построила себе идеальную жизнь, где нет места подобным глупостям. А потом выяснилось... что он ушел, чтобы защитить меня. У его отца были огромные долги перед очень опасными людьми. Если бы Крис остался, эти проблемы накрыли бы и меня. Он просто забрал все на себя и уехал, чтобы спасти мне жизнь.

Катя замолчала. Её вечно шумная и бойкая подруга замерла на стуле, переваривая услышанное, и её глаза округлились от шока.

— Черт... — наконец выговорила она шёпотом. — Это же... как в каком-то тяжелом кино. И что ты теперь собираешься делать, Майя? Ты же до сих пор его любишь, я же вижу. Ты смотришь на него так, будто между вами вообще ничего не менялось.

Майя подняла глаза на подругу. В карих глазах Громовой застыла смесь усталости и глубокого растерянности.

— Я не знаю, Кать, — честно призналась она. — Я боюсь. Боюсь снова довериться и снова остаться ни с чем. Он привык решать всё сам, привык молчать и уходить в тень, когда становится опасно. А я больше не хочу быть той, за кого все решают.

— Так скажи ему об этом! — пылко воскликнула Катя, подавшись вперед. — Не молчи! Он вернулся, Майя! Он прошел через весь этот ад и вернулся к тебе. Он больше не уходит. Дай ему шанс объяснить всё без этих ваших архитектурных терминов и сарказма!

Разговор продолжался почти до двух часов ночи. Катя помогала ей сверить отметки на 3D-модели, постоянно подбадривая и заставляя Майю хотя бы ненадолго отвлечься от гнетущих сомнений. Когда подруга наконец собралась уходить, на душе у Майи стало немного светлее. Появилась какая-то твердая, пусть и хрупкая уверенность в том, что прятаться за стенами больше нельзя.

Проводив Катю, Майя вернулась к рабочему столу. Часы показывали полтретьего ночи. Она бросила взгляд на молчащий телефон, надеясь увидеть хотя бы короткое сообщение от Криса, но экран оставался темным. Тревога снова тихой змейкой скользнула в сознание.

В этот же самый час на другом конце города, в маленькой съемной квартире на Серпуховской, горел лишь один тусклый торшер у окна.

Крис сидел на краю узкой диван-кровати, свесив голову и опершись локтями о колени. Он был в той же темной футболке, а его волосы были беспорядочно взъерошены. На старом журнальном столике перед ним лежал раскрытый конверт с архивными бумагами, которые передал ему Олег, а рядом покоилась старая, слегка потертая по краям фотография в деревянной рамке.

Это была их общая карточка с десятиклассного турслета. На ней семнадцатилетняя Майя, с выбившимися из небрежного пучка темными прядями и громко смеющаяся, сидела на бревне у костра, а он, моложе и без единого шрама на душе, обнимал ее за плечи, глядя в камеру с абсолютной, ничем не омраченной уверенностью в будущем.

Крис медленно протянул руку и коснулся пальцем изображения её лица на глянцевой бумаге. Пальцы с застарелым шрамом на запястье едва заметно дрогнули.

Он помнил каждый день этих трех лет. Помнил бесконечные ночные смены на погрузочных терминалах, бесконечные звонки от юристов, угрозы, сухие расписки и постоянный, выматывающий страх за то, чтобы ее имя нигде не всплыло. Он забрал на себя все, до последнего цента, отказывая себе во всем, спал по три часа на фанерных щитах в бытовках и учился ночами, лишь бы выдержать академическую разницу для перевода.

Он сделал всё, что обещал себе в ту страшную ночь выпускного. Он вытащил семью из петли и вернул себе право дышать. Но когда он вернулся и увидел её — взрослую, строгую, прячущую свою раненую душу за сухими правилами и сарказмом, — он понял, что его главная битва еще даже не начиналась.

Дверь в комнату тихо скрипнула. В проеме появился Олег. Он был в домашней рубашке с засученными рукавами, держа в руках две кружки с горячим чаем.

— Не спишь? — тихо спросил старший брат, проходя в комнату и ставя одну из кружек на стол рядом с фотографией.

Крис не поднял головы, лишь слегка качнул плечом:

— Нужно доделать расчеты по фундаментам для Самойлова. Завтра сдавать рабочий чертеж.

Олег опустился на стул напротив, внимательно всматриваясь в уставшее лицо брата. Он заметил фотографию на столе, но комментировать не стал.

— Я видел её вчера в архиве, Крис, — произнес Олег ровным, глубоким голосом. — Майю.

Крис мгновенно замер. Его карие глаза медленно поднялись на брата, став невероятно темными и тяжелыми.

— Зачем ты с ней говорил, Олег? — выговорил он сквозь зубы с острой, затаенной угрозой. — Я же просил тебя не вмешиваться. Это мои дела.

— Твои дела? — Олег сузил глаза, и в его тоне проскользнула жесткая, старшая строгость. — Крис, ты выплатил все долги отца. Ты три года жил как проклятый, спасая нас всех и ее в первую очередь. Но ты до сих пор ведешь себя так, будто обязан нести этот крест до конца жизни! Она имела право знать правду. Она три года считала тебя последним предателем!

— Я сам должен был ей сказать! — Крис резко поднялся с дивана, пройдясь по тесной комнате и замер у темного окна. — Сам, когда пришло бы время! А не так, чтобы она узнавала детали нашей грязи из пожелтевших газетных вырезок!

— Ты бы никогда ей ничего не сказал, — отрезал Олег, поднявшись вслед за ним. — Ты бы так и продолжал играть в молчаливого героя, подставляя плечо под ее нападки и делая вид, что тебе всё равно. Но ей не всё равно, Крис. Она приехала к тебе вчера не потому, что ей нужны были твои чертежи.

Крис сжал кулаки, уставившись в темное стекло, за которым шумел ночной город. Слова брата блекли перед той острой, пульсирующей болью, которую он пронес через эти годы. Он помнил ее заплаканные глаза вчера в прихожей, помнил теплый запах ее волос и то, как близко были ее губы. Он хотел забрать ее к себе, спрятать от всего мира, но старый страх навредить ей до сих пор сковывал его по рукам и ногам.

— Вчера снова звонил Марков, — тихо, почти беззвучно произнес Крис, не поворачиваясь к брату.

Олег замер. Воздух в комнате мгновенно стал тяжелым и плотным.

— Что ему нужно? — спросил Олег, и его голос заметно поседел. — Ты же закрыл последний вексель месяц назад. Есть все подписи и выписки из банка.

— Он утверждает, что остался процент по просрочке за прошлый год, — Крис поворачивается к брату, и его лицо кажется высеченным из серого гранита. — Он знает, что я вернулся в город. И он знает, где находится наш факультет.

Олег сжал челюсти так, что на скулах проступили жесткие желваки.

— Он пытается тебя запугать. Это блеф, Крис. Документы чисты, закон на нашей стороне.

— Нам ли с тобой не знать, как Марков кладет на закон? — горько усмехнулся Крис. Он подошел к столу, взял в руки старую фотографию и бережно провел пальцем по стеклу. — Я не позволю ему даже близко подойти к Майе. Если он попытается использовать ее как рычаг снова, я просто...

Он не договорил. В его глазах вспыхнул такой дикий, опасный огонь, какого Олег не видел со времен их самых тяжелых дней.

— Не глупи, Крис, — предупреждающе произнес Олег, делая шаг к брату. — Ты больше не один. Не смей снова делать глупостей и уходить в подполье. Если ты сейчас оттолкнешь Майю ради ее же «безопасности», она тебе этого никогда не простит. Слышишь? Никогда.

Крис ничего не ответил. Он аккуратно поставил рамку с фотографией обратно на стол, подхватил свой тяжелый рюкзак и достал из него чистый блокнот.

Он просидел над расчетами до самого утра. Рука методично вычерчивала линии, мысли возвращались к парковому комплексу, но в глубине души зрело одно-единственное, непреклонное решение. Он сделает всё, чтобы защитить проект, защитить Майю и закрыть эту историю раз и навсегда. Даже если для этого ему придется встретиться с Марковым лично и поставить жирную точку там, где три года назад стояло лишь кровавое многоточие.

Когда над крышами старых домов на Серпуховской выплыло холодное ноябрьское солнце, Крис уже стоял у входа в университетский сквер. Он надел темную куртку, затянул ту же ремень рюкзака и медленно пошел по мокрой от утренней росы аллее.

На третьем этаже главного корпуса было еще пусто. Он прошел к их привычному подрамнику у окна, поставил рюкзак и разложил принесенные чертежи.

Дверь аудитории тихо скрипнула. Крис повернул голову, ожидая увидеть лаборанта, но в проеме стояла Майя.

На ней был ее привычный объемный серый свитер, волосы стянуты в тугий пучок, а в руках она держала два стаканчика с горячим кофе из автомата. В ее карих глазах больше не было вчерашней растерянности — там горела сухая, твердая решимость, которая мгновенно заставила его сердце сжать в тугой узел.

Она подошла к столу, молча поставила один из стаканчиков перед ним прямо поверх ватмана и посмотрела ему прямо в глаза.

— Нам нужно поговорить, Белов, — произнесла она ровным, не допускающим возражений тоном. — Без чертежей, без Самойлова и без твоих попыток снова сбежать.

Стаканчик с горячим кофе дымился на краю подрамника, оставляя на ватмане едва заметное влажное кольцо. В полупустой аудитории стояла плотная, прохладная тишина утреннего часа, нарушаемая лишь редкими шагами дежурных в дальнем конце коридора. Майя стояла напротив Криса, сложа руки на груди и не сводя с него прямого, требовательного взгляда. В её облике больше не проглядывала та растерянная девчонка, которая вчера убегала от него под проливным дождем. Теперь перед ним находилась взрослая, сильная девушка, готовая бороться за свое право знать правду.

Крис медленно перевел взгляд с дымящегося стаканчика на её лицо. Желваки на его скулах привычно напряглись, но в карих глазах вместо привычной ледяной отстраненности проступила глубокая, затаенная нежность, смешанная с нечеловеческой усталостью.

— Нам действительно нужно поговорить, — тихо, почти беззвучно произнес он, опустив руки на край стола. — Но не здесь, Майя. Через двадцать минут начнется лекция у Самойлова, сюда зайдет вся группа.

— Ты снова откладываешь, — сухо вато констатировала Майя, хотя в её тоне больше не было прежнего яда. — Ты делаешь это каждый раз, когда разговор касается нас, а не чертежных узлов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.